

Мария Эльдис

---

*Хроники  
Безымянной  
Звезды*



Мария Эльдис

**Хроники Безымянной Звезды**

«Издательские решения»

**Эльдис М.**

Хроники Безымянной Звезды / М. Эльдис — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-932559-4

Эта книга для тех, кто любит эльфийскую готику, это параллельная реальность параллельной реальности, где главную героиню в её странствиях ведёт несуществующая звезда. Здесь никто никого ничему не учит, лишь приоткрывается дверь в загадочный мир, где всё возможно: дороги и причалы, встречи и разлуки, взлёты и падения...

ISBN 978-5-44-932559-4

© Эльдис М.  
© Издательские решения

# Содержание

Предисловие	6
Хроники Безымянной Звезды	10
Пролог	10
Книга 1	11
Часть 1	11
1	11
2	13
3	13
4	15
5	16
Часть 2	17
1	17
2	20
3	22
4	22
5	24
6	25
Часть 3	28
1	28
2	30
3	31
4	32
5	33
6	35
7	37
8	39
9	41
Книга 2	42
Часть 1	42
1	42
2	43
3	44
Конец ознакомительного фрагмента.	45

# Хроники Безымянной Звезды

Мария Эльдис

© Мария Эльдис, 2018

ISBN 978-5-4493-2559-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero



## Предисловие

*И прежние слова уносятся во мгле,  
Как черных ласточек испуганная стая.  
М. Волошин*

В 2... году, в городе Н-ске – такими словами мне хотелось бы начать свой рассказ, утаивая от читателя всякие детали своей биографии, поскольку я – лицо в этой истории постороннее и несущественное, однако... так не получится.

Что ж, вот уже несколько лет, как я читаю курсы лекций о русской поэзии первой половины XX века в одном из учебных заведений Амстердама. Учениками я большей частью доволен, жизнью тоже, и, стало быть, попадаю в категорию одинаково счастливых, и не о чем вообще было бы говорить здесь, если бы однажды я не зашел, коротая пару свободных часов, в Старую церковь и не встретил там Симмонса.

Вообще-то, соборы – не моя страсть, но случаются мгновения, когда в них тянет – ради той самой уворованной связи крови, звона сухоньких трав; тогда я брожу среди могильных плит в полу, бессчетных подсвечников, где теплятся мириады крохотных огоньков надежды, дуг, по которым, будто по темным венам, струится каменная соборная кровь... И, конечно, я меньше всего хочу встретить в такие минуты кого-нибудь знакомого. Пусть лучше будут лица, которые я вижу в первый и в последний раз. Тем не менее, в тот день, всматриваясь в отражение сводов в осколках стекол на полу (в соборе шли ремонтные работы, и жизнь конфессиональная переплеталась в нем с бытием строительной площадки, где вместо органных гармоник пронзительно дребезжали дрели и постукивали молотки), я услышал, как меня окликнули. Я повернул голову и увидел одного из моих бывших студентов.

– Какая удача! – возгласил он. – Вас-то мне и надо!

Сказать, что это был здоровяк, значит не сказать ничего. Его бицепс был в обхвате, как моя цыплячья профессорская грудь, и хотя татуировка на его предплечье, открытом, поскольку на Симмонсе была рубашка с короткими рукавами, состояла всего лишь из черепа и пары костистых крыльев какой-то гарпии, на этом месте вполне могла бы разместиться целая «Герника» или, например, «Последний день Помпеи», если доверить их нанесение хорошему миниатюристу. Лицо его утопало в окладистой чернокудрявой бороде. Большие круглые очки, слегка слезавшие на нос, разрушали, однако, разбойничий образ, да и глаза под ними глядели приветливо.

Не представляю себе, зачем это я нужен Симмонсу. Мы не видели друг друга уже больше года.

– Мне надо с Вами поговорить, – сказал он.

– Хорошо, – ответил я. – У меня есть немного свободного времени.

– Тогда пойдемте выпьем по капучино.

Мы вышли, и Симмонс увел меня в кафе в минуте ходьбы.

– Да, – пробасил он, – давно ли это было, когда Вы учили нас, – и, шумно вдохнув, продекламировал:

– Что, если, вздрогнув неправильно, мерцающая всегда, своей иголкой заржавленной достанет меня звезда?

– Булавкой, Симмонс, булавкой, – поправил я его.

– Ах, да. Хотя почти никакой разницы ведь. Булавка-то, конечно, французская, портновская.

Я улыбнулся и промолчал.

– Так вот о чем я хотел посоветоваться, – заговорил Симмонс, наконец, о деле. – Не знаю только, как объяснить... Ладно, начну с начала.

Против такого подхода я не имел возражений. Какая, все-таки, могучая борода у него! Сам Зевс позавидовал бы ей.

– Сiju я вот в этом самом кафе, работаю. Вы, наверное, не знаете, я сейчас работаю тестером в одной айтишной компании, неважно, впрочем. Так вот, сiju. И вон там, – махнул он в направлении столика, в этот момент пустовавшего, – сидит молодая, а может, и не такая уж молодая, женщина. Трудно сказать, сколько ей. Сидит, тоже чем-то занята за своим ноутбуком. И я сразу заметил, что ноутбуки у нас – один в один. А других посетителей рядом нет, только в противоположном углу еще кто-то был.

– Закрывает она ноут, – продолжал Симмонс, – и, видно, напоследок ей надо, ну, в туалет заглянуть. И говорит мне: Вас, мол, не затруднит присмотреть, пока я отлучусь? По-английски говорит. То ли туристка, значит, то ли... не знаю. Я ей: вообще, я сам собрался уходить, но если недолго, то еще буду здесь. Недолго, улыбается она. И вот тут в меня как будто бес вселился. Ведь никогда со мной такого случая не было, чтобы рядом ноут был – точно, как мой. И Вы не поверите, но я, как только она ушла, взял да и поменял их. Ну, глупость, конечно, и не говорите! Это какой-нибудь Ноздрев мог бы сделать, потехи ради.

– Пойдите, Симмонс, – сказал я, – разве на Вашем компьютере не было ничего для Вас ценного? Ведь Вы его отдали.

– Я работал, подключаясь к виртуальной сети компании, – ответил он. – Мне все равно, откуда подключаться. А на диске – так, ничего особенного: несколько игрушек, музыка. Уж не знаю, понравился ли ей мой музыкальный вкус.

– И что же было дальше?

– Дальше она вернулась, взяла мой ноут, сказала спасибо и ушла. Я еще подумал: если все-таки увидит какую разницу – я признаюсь, повинюсь, обращу в шутку все... Нет, не заметила, ушла. Я посидел еще немножко и ушел тоже.

– Вы могли прийти в это кафе на следующий день, – сказал я. – Вдруг она – завсегдадай.

– На следующий день я был очень занят. А потом я приходил... Правда! Но ее не было. Я баристе оставил визитку. Мол, если будет женщина спрашивать про ноутбук свой, скажите, что она у меня может получить. И – ничего. Я и в церковь рядом заходил, искал её, думал – может она там бывает...

– Давно это было?

– С месяц. Она могла ведь и в полицию заявить. Мне все это время не по себе было. Но так никто ко мне и не обратился. Судьба, значит, – резюмировал он.

– Хорошо, но при чем здесь я?

– О, – сказал Симмонс, – так я главного-то еще и не рассказал.

Ах, да, он же начал с начала.

– Может, еще по капучино?

– Нет, я не хочу. Рассказывайте дальше.

– Как хотите. А я возьму еще. – Он заказал еще чашечку и к нему десерт и только затем продолжил.

– У нее на диске тоже не было ничего особенного. Кроме одного файла. Он был закодирован. Несложно, одно ключевое слово достаточно было ввести. Но Вы же понимаете, я в этих делах разбираюсь.

Мне ничего не было известно о дешифровальных способностях Симмонса, однако, какое это имеет значение.

– Мне кажется, Симмонс, это уже не шалости.

– Понимаю, – взмахнул он рукой, – да больно любопытно стало. В общем, я быстро управился. Текст оказался написанным кириллицей. На русском языке. И вот тут-то я и подумал о Вас!

– Мало ли текстов на русском языке, – пожал я плечами.

– Это оказался роман, – сказал Симмонс. – Я немного прочел, но мое знание русского все-таки не слишком хорошее. У Вас-то лучше!

– Вы хотите нанять меня переводчиком?

– Нет. Я просто хочу отдать Вам текст.

– Послушайте, – сказал я, – у меня нет времени читать все романы, которые Вам не удалось прочесть целиком.

– Это любопытные мемуары. Их автор – эльфийская принцесса.

– В каком смысле? – спросил я. – А, это фэнтези. Симмонс, я не интересуюсь этим жанром.

– Вы не верите, что эльфы существуют?

– Нет.

– И Вы не верите в инопланетян?

– Нет.

– Вы чертовски скучный, профессор. Было бы гораздо интереснее, если бы инопланетяне существовали.

– Возможно, – сказал я.

– Так Вы прочтете этот роман?

Я вздохнул. В конце концов, я читал один фэнтезийный роман, который мне действительно понравился – то был «Город» Клиффорда Саймака. И для меня было совершенно неважно, верю ли я, что собак можно научить говорить по-английски. Или по-русски.

– Дайте мне Вашу визитку.

Он протянул мне карточку. Я написал на ней адрес своей электронной почты и вернул.

– Спасибо, – сказал Симмонс, улыбаясь.

– Вы странный человек. Вы подмениваете компьютеры случайных встречаемых в кафе, расшифровываете чужие тайнописи, заставляете меня читать мемуары эльфийской принцессы...

– Да уж, – сказал странный человек.

Тем же вечером я получил файл с текстом романа. «Хроники Безымянной Звезды» – так он назывался. Я прочел Пролог и надолго задумался. Потом прочел остальное. Не стану говорить здесь о своих впечатлениях – читатель должен составить собственное мнение о романе; скажу только несколько слов о том, что последовало затем.

Миновали два года. Все это время я следил, не появятся ли Хроники в планах какого-нибудь солидного издательства в России (а у меня есть возможности для этого). Но нет, ничего такого не было. Создавалось ощущение, что автор мемуаров и не думает об их опубликовании. Как будто для нее это не роман, а в самом деле мемуары.

В таком случае, не должен ли это сделать я? О, разумеется, не от своего имени, я ведь вообще, как сказал с самого начала, человек посторонний...

Ведь разве не пришлось бы этот роман по душе великому мифотворцу двадцатого века? Мне казалось, что да. Но почему бы тогда не позволить мифу ожить? «Мы были», – так автор записывает в своей памяти. Симмонс прав. Вот только, по понятным для всякого, кто знаком с порядком жизни в новейшие времена, причинам, мне придется изменить названия и имена... Что ж, я изменю их, и да простит меня Истина.

Или мне следует предпочесть молчание? Ведь это, в конце концов, личные записи.

Я уверен, я знаю, что автор Хроник на моем месте выбрала бы второе. Но я – обитатель мира текстов, и дать соблазнившему меня тексту публичную жизнь – дело для меня столь же естественное, как для садовника – посадить и вырастить розу. К тому же, я – существо иного

рода, чем она: мною руководят скорее мысли и чувства здесь и сейчас, нежели принципы. И моя монетка падает орлом.

Но всякое может случиться в нашем прекрасном безумном мире. Возможно, я еще пере-  
думаю – и тогда читатель этих строк не прочтет.

*Курбский К. М., проф. истории русской литературы.*

От хрониста:

Это параллельная реальность параллельной реальности, всякое совпадение событий, имён и названий условно.

От гг:

Эта книга никого ничему не учит и является лишь чередой впечатлений, отпечатанных в памяти.

# Хроники Безымянной Звезды

## Пролог

Когда мы причаливали к этим берегам – была ночь, мрак окутывал сизые скалы, чёрное слепое небо без звёзд распростёрлось над каменистым берегом, ветер – солёный и холодный – сквозил тихо и заунывно.

Мы причалили во мрак, мы приплыли в Царство Тьмы, приплыли домой. Ведь нам сказали, что это наш дом.

Но скалистый берег далёк, и нас разделяют льды. И мы шли по ломкому льду, подгоняемые ветром, а над нами кружили одинокие чайки, рассекая острыми белыми крыльями то, что было нашим небом, пронзительно крича «свет», «свист», «смерть».

Но мы верим, что где-то далеко, за скалами, есть зелёная долина, поросшая нежными цветами, с каплями рассветной росы, а тёплый ветер лишь слегка развеивает волосы девушек, вплетая их в ветви цветущей ивы. Мы верим, и потому идём вперёд по льдам, рассечённым чёрными зигзагами трещин, а вздыбленные льды под ногами шепчут заклятья, и за шёпотом следует страшный скрежет ломающихся ледяных копий – провал в холодную морскую бездну.

«Свист, свет, смерть!». Что это? Что за багряный отсвет на белых льдах? Предательство! Горят наши корабли, полыхают паруса, чёрным пеплом опадают крылья...

И мы шли вперёд, не имея пути назад. Где теперь мать моя и братья, о горе! Они – море, чёрное, холодное море.

И когда уцелевшие ступили на берег – сильный порыв ветра разорвал небесную твердь, и мы увидели сияющий бледный серп в вышине – впервые взошла Луна.

# Книга 1

## Часть 1

### 1

Под каменными сводами, меж резных колонн, по которым мечутся блики от горящих факелов, слышится шёпот, бормотание, крадётся приглушённое эхо – это отец заговаривает клинок. Я видела, он немного кривой, напоминает серп молодой Луны... или ущербной?

Пусть...

Тенью под арку ворот – свобода! Ещё рано, узкая тропинка теряется в тумане, уводя вверх по склону холма. Роса на траве, нежная и холодная... Осенняя.

Легко, не чувствуя собственного веса, почти бегу, как горностаи в траве... И вот он – простор бескрайней скалистой пустоши, багряные и рыжие травы, волны лилового вереска под низким серым небом, ниспадающим на плечи влажными облаками, сливающимися с туманом. Вверх устремляются пряди тумана, вниз изливаются облака.

На исходе утра тропинка приводит к обрыву, за которым вечное зелёно-серебряное море. Оттуда мы пришли, туда мы когда-нибудь уйдём. Так говорят...

А пока можно бежать по тропинке вниз к берегу, чтобы собрать немного мидий на завтрак. И я бегу по пылающей осенними красками каменистой равнине, раскинув руки, кажется ещё один миг – и я полечу. К морю!

Морские волны набегают на песок, налетая на скалы, крылья волн разлетаются сотней сверкающих брызг, и теряют себя, снова отступают, становясь ничем и всем. И так море – как время, отсчитывает ритм бытия. Но что для нас время? Море, только вечное море...

В Северном море волны высоки, каждая – иллюзия живого существа с пенным гребнем, на закате пронизанным солнечной бронзой. Но вот живое существо сливается с Единым Бездонным, которое рождает новое живое существо, и бегут медные блики на зелени холодной бескрайней громады.

Вершина холма. В корзине мидии, на голове веночек из синих цветов... Мы зовём эти цветы морицвет, потому что они цвета моря в ясный день (и цвета моих глаз! и маминых...), с белой каймой по краю лепестков – как пена у волн.

Небо проснулось и стало голубовато-золотистое, горизонт теряется в слиянии моря и неба, на многие мили вокруг лишь песня моря и песня чаек, что в сущности одно и то же: «свобода».

Идти? Нет, бежать рысцой, ведь иначе можно всюду опоздать. Особенно к лисьям. Какие же они забавные, я кувыркаюсь с ними на мягкой зелёной траве, глажу, кормлю (добыча с нашей кухни), подражаю их лаю, и мы возимся, пока не уснём, разомлев в лучах полуденного солнца... Я лисёнок! Жаль что у меня волосы не рыжие, а цвета Луны, той Луны, что взошла в час, когда мы ступили впервые на этот берег. Говорят, что прежде мои волосы были золотистыми, но в тот час лунный свет навсегда осветил пряди моих волос, и рыжей мне не быть.

Гости.

Огромная дубовая дверь с резьбой в сумерках коридора кажется чёрной, а сквозь замочную скважину струится луч света, высвечивая в полумраке крошечные пылинки в воздухе.

– Девочка совершенно одна, бегаёт чумазая по лесам и к морю через пустошь, твоя сестра её не занимается, её няньки – несколько лесных духов и какая-то женщина гарадрим, чужая нам, чему гном может научить дочь высокородного лорда?! Она хотя бы читать умеет?

– Мы начали уроки.

– Если ты твёрдо решил больше не жениться, нам будет разумнее забрать ребёнка с собой в нашу укреплённую гавань. Там она получит образование, будет прилично одета и определит свою судьбу надёжнее.

Представляю, как сейчас сузились чёрные ироничные глаза отца! И рот улыбнулся в одну сторону (рот всегда у него улыбается только в одну сторону), и никогда нельзя знать точно, то ли он сердится, то ли смеётся...

Нам подарили много разных семян и саженцы виноградной лозы. Она похожа на ту, что изображена на старом мамином браслете, который хранится в хрустальном ларце у папы в потайной комнате. Так хочется увидеть его ещё раз, но мне запрещено туда ходить одной.

Разве что... прямо сейчас! Пойду, ведь никто не узнает... Сегодня все, даже стражники толпятся на площади, где соревнуются лучники. Я просила, чтобы меня тоже научили стрелять из лука, но мне сказали, что я ещё маленькая.

Сворачиваю в тёмный коридор, из узкого оконного проёма на фонтанчик падают золотистые солнечные блики, тонкая струйка воды журчит и сверкает, вьётся как виноградная лоза.

Иду через зал с полом из розоватого камня. Каждый раз, проходя по этому полу, я вспоминаю другой пол: это было там, далеко, за горящими кораблями: тот пол светился всегда по-разному, в зависимости от того, кто по нему шёл и в каком настроении. Когда шла я – он был как тихая бирюза моря, когда мама – как вечерняя заря, а когда шёл отец – как аметистовые ягоды винограда на браслете, только чуть синее. Говорят, такого винограда больше нет, но я всё ещё помню его вкус – вкус того времени, когда не было ещё даже моей памяти.

– Эй, малышка, ты куда?

Меня обнаружили...

Тётя Найкен.

У моего отца была сестра, её звали Найкен. Она часто одна подолгу носилась на своей белой лошади по полям и долам, мало бывая подолгу на одном месте. Говорили, что с того момента, как мы ступили на эти земли, в ней пробудился дух скитаний. Была она точно рыцарь – высока и сильна, и нередко отправлялась с мужчинами на охоту. Найкен почти не замечала меня, и не участвовала в моей судьбе.

Библиотека.

Я люблю запах библиотеки. Теперь я не только читаю, но мне разрешено переписывать книги, рисовать на страницах цветы, красивые орнаменты. Берго – наш живописец – научил меня перетирать краски, и подарил перо и три кисти, и теперь я помогаю ему с книгами. Папе удалось сохранить многие книги и рукописи, но другие поселения так же нуждаются в книгах, поэтому мы их переписываем, украшаем и развозим друзьям. Наш народ умеет делать бумагу, для обложек мы используем кожу, но редко.

С янтарной смолой я перетёрла тончайшее сусальное золото, и теперь вывожу пером традиционный узор по краю страницы. Я даже знаю куда эта книга потом отправится: гарадримам, что поселились на склонах Белой горы, что севернее нас. Моя няня – гарадрим, она очень добрая, только не признаётся в этом!

Шелест пожелтевших страниц, узоры чёрной, красной, золотой вязи... А где-то и старинные руны, переплетённые с ветвями цветущего цикория, лазурные ирисы, красные драконы! Загадочный, шепчущий мир книг уводит за собой в незабвенную даль за горящие корабли. И то, что рассыпается в моей детской памяти золотистой пылью – собирают воедино эти книги, и прошлое обретает форму и смысл, доселе мне неведомый.

В распахнутое окно задувает влажный прохладный ветер, чуть развевая белые вышитые занавески. Идёт дождь. Дождинки капают в забытую на подоконнике стеклянную чашу с водой, и каждая капля пробуждает блик от горящей свечи на изящном изгибе стекла, отчего кажется, что по поверхности воды словно пляшет жидкий огонь. Он замирает и снова оживает, кружась

в иллюзорном протуберанце, озаряя огненным дыханием хрупкое стекло и золотую крышку рядом... Но огонь этот холодный, и в воздухе вокруг веет свежестью и прохладой, пронизанной ароматом лаванды.

Отчего на душе такая свежесть и такая тоска, такое щемящее чувство неизбежности утраты? Чем владею я и что теряю?

Я взрослею...

Как узки мои запястья, гранатовый браслет соскальзывает с руки, полыхнув красным огнём.

Дождь не перестает, и вот уже стеклянная чаша на подоконнике почти полная дождевой воды.

Идёт время – идёт дождь. За окном в саду отцветают осенние астры, и за садом – багряные вязы и золотые липы шумят на ветру мокрой от дождя листвой. Осень.

## 2

Бьют барабаны на Северо-Востоке и эхо разносит этот тревожный ритм по всему Мидварду. Мир полнится слухами и невнятным шёпотом, все что-то обсуждают, но никто ничего не знает. Говорят, что мы заключим перемирие и сохраним то малое, что удалось построить с тех пор, как вздыбленные льды рассекли надвое мир, где с одной стороны догорали наши корабли, с другой стороны мы под бледной Луной укрепили свои знамёна на чёрных прибрежных скалах.

Я собираюсь в путь, теперь я буду представлять наш клан на сходе вождей. Наш караван пересечёт пески и встретится с другими нашими сородичами, чтобы вместе выступить единой силой и договориться с орч о перемирии. Это моё первое далёкое путешествие и первая ответственная миссия – переговоры. У отца нет сыновей, и он учит меня власти, что означает самообладание.

Многие считают, что я должна оставаться дома, потому что ещё совсем ребёнок, они же говорят, что нас могут атаковать с моря, и потому отец не должен покидать крепость, а кто-то шепчется, что он специально по-этому отсылает меня... Мне сложно понять, кто может атаковать нас с моря, ведь там нет ничего.

Что такое война? Мы не знаем что это, но мы помним что такое предательство.

Няня Гарг (у нас её звали Гаргиль) собирает меня в дорогу, часть пути мы проделаем на корабле вдоль берега на юг, а затем высадимся в бухте, и далее отправимся на встречу с нашими восточными соседями в легендарный край великой реки и её быстротечных вод.

## 3

Розовые блики на волнах от лучей восходящего солнца, розовые и золотые блики от волн на бортах корабля. В золотисто-розовом дрожат отражения мачт и парусов... Зов моря в сердце моего народа столь велик и неизбежен, что покой ему может принести только звук, означающий, что корабль отплывает. Этот толчок, скрип снастей, неуловимое движение ветра в парусах – и вот уже тают вдали серебристые очертания гавани, а впереди открываются неведомые и безграничные, властные объятия морского божества. На берегу остались отец – первая разлука! – и все те, кто неизменно были рядом с тех пор, как мы ступили на берега Мидварда.

Небольшой экипаж корабля по имени «Мираж», няня Гаргиль и отряд телохранителей почти на полторы луны стали моими спутниками и единственным обществом. Впрочем, это общество было большим чем обычно, ведь дома я мало с кем общалась, не считая самых близких.

Теперь мне подолгу нравилось стоять у борта корабля и вглядываться в даль, особенно на закате солнца, когда мир озарялся сиянием, напоминающем мне о матери. Она не принадлежала к нашему народу и была из духов вечерней зари. Оставив этот мир при переходе по Вздыбленным Льдам, она навсегда потеряла своё тело, и слилась с алым заревом заката, растворяясь в своей родной стихии. Но я слышала, что какая-то её часть ушла под воду, и та закатная золотая дорожка на волнах – это её следы. Дома я каждый вечер поднималась на крышу своей башенки, где жила, и с крыши смотрела как вдали мерцает море, как тают вечерние зори, венчая горизонт огненной короной, и, наконец, объединяя небо и землю в единое целое, укрывая их чёрным плащом ночи. И Серп Луны проносился каждую ночь по ночному небу, соединяя один день с другим...

Сегодня вечерняя заря была необычно яркой, и последние её лучи словно огненным мечом рассекли сгущающуюся чернь, а Луна не взошла. Незадолго до рассвета нас настиг шторм.

Я не знала что было ужаснее – сам шторм или негодующая няня, которая и в тихую погоду не любила море, не доверяла кораблям и избегала открытых пространств, а шторм приняла с проклятиями, традиционными для всякого достойного гарадрима! Наша команда отчаянно боролась за корабль, пытаясь не потерять управление, однако одна мачта с треском рухнула на палубу, а те паруса, что не удалось быстро свернуть – были изодраны в клочья. Мне не позволили выходить из каюты, хоть мне и очень хотелось немного помочь, хотя бы чем-то!

– Девочка, постарайся не мешать, – сказал мне штурман, и его внимательный взгляд, брошенный через плечо, сказал мне ещё больше.

Я ждала окончания шторма в каюте, сидя на полу и пытаясь ловить два своих сундука с вещами, которые переезжали по полу с одной стороны каюты на другую. Сундуки кидало всё быстрее, и, наконец, я перестала пытаться что-либо удерживать, приняв всё как есть. Няня тоже притихла, и мы просто держались кто за что мог, сидя на полу. Дважды казалось, что шторм затихает, но он возвращался снова и снова, мы слушали как бешено ревет ветер, как хлещут о борта корабля волны, и так длилось почти до самого вечера. Мы не поняли был день или вечер, мы не встретили рассвет, и день был равен ночи, а вечер принёс тишину, но не свет. Но тишина была для нас таким бесценным даром, что мы не могли поверить в неё.

Осторожно, с недоверием, мы вставали на ноги, шли, держась за стены так, словно всё ещё продолжалась качка, и мы не вспомнили о еде или питье, забыв все самые простые вещи, из которых складывается жизнь. Мы вышли на палубу, и увидели, что мир вокруг подобен жидкому свинцу, и лишь вдали мутным пятнышком выделяется красноватый отсвет.

Наша команда не потеряла ни одного члена экипажа, но мы потеряли курс и не знали где находимся.

Ночь была тихой и обессиленной. На рассвете все дружно принялись чинить паруса и уцелевшие мачты и снасти, заделывать пробоины, восстанавливать потрёпанный штормом «Мираж». К полудню штурману удалось сориентироваться, и мы начали выравнивать курс.

За время путешествия мы много раз высаживались на берег, пополняя запасы пищи и пресной воды, ещё раз настиг нас шторм, но уже не столь разрушительно. В назначенный срок мы высадились в южном Россилене, который предстояло нам пересечь, чтобы явиться на переговоры с послами от Орч. В Россилене встретились мы с нашими сородичами из других кланов, и они также должны были отправиться на переговоры, представляя каждый свой Дом.

Папа говорил, что морское путешествие – это путь в обход, и что ехать самим по суше к месту сбора делегатов было бы проще и быстрее, но опаснее, и что лучше, если со мной будут наши родные из южных гаваней.

## 4

Не знаю была ли я рада сойти на берег, первая ночь в гавани была для меня тяжёлой: что-то не так, какой-то подвох, я не могла уснуть. Не сразу я поняла, что спать без привычного покачивания и без мерного плеска волн о борта корабля стало невозможным. За время, проведённое в море, я привыкла к движению судна, устойчивая неподвижная земля казалась западнёй, остановкой времени...

Десятки пар чужих глаз изучали моё лицо, среди этих глаз сверкали искры незнакомые мне: серые – мудрые, зелёные – властные, янтарные – весёлые, синие – печальные... Красивые глаза моего народа, который прежде я знала так мало, живя далеко и уединённо на северо-западе, на краю земли.

Мой народ любит красоту, и много среди нас искусных мастеров, умеющих создавать великолепные ткани и украшения. Причёмски красавиц столь изысканны, что скорее представляют собой произведения искусства, ценится лёгкая изящная утварь, но простота и естественность составляют основы этого царства гармонии.

Здесь, в небольшом портовом замке я увидела много удивительного и необыкновенного. У нас на Северо-западе мы одеваемся намного проще, и редко у нас можно встретить феири в платье, словно сотканном из лунного света, или из золотой паутинки с каплями росы – крошечными белоснежными жемчужинками... Зато крупный серебряный жемчуг у нас не редкость, здесь же такой жемчуг считался редким и ценился очень высоко.

Итак, настало время уделить, наконец, внимание моим сундукам. Няня хлопочет, доставая из сундуков и раскладывая мои сокровища – у меня всё же есть волшебное платье из тончайшей бирюзовой ткани! И белая шёлковая накидка с вышитыми серебром листьями плюща и цветами цикория, и удивительной красоты ультрамариновый палантин, который должен служить мне тюрбаном, когда мы будем ехать через пески. Говорят, там случаются песчаные бури, и надо так завязывать на голове широкие длинные шарфы, чтобы они полностью закрывали и волосы и лицо, оставляя лишь тонкую прорезь для глаз. Мне кажется, мог бы подойти и обычный плащ, однако всё здесь кажется таким изысканным, утончённым, женщины столь высоки и пышны, в великолепных платьях с поясами из драгоценных камней, в жемчугах и алмазах, что кажется, томное благовоние источают даже их следы.

Я смотрю на свои узкие ступни, почти без загара, смотрю как они облачаются в сандалии, как высокая шнуровка доходит до колен... Странное ощущение, я взрослая?

Я больше не девочка, на меня смотрят здесь как на представителя нашего Дома, и, кажется, как на возможную невесту?

Впервые я одеваюсь не так как обычно – в одежду, а так, словно я вправляю себя в оправу из золотой и серебряной филигрании, чтобы не быть, а смотреться, – как драгоценный камень. И странно, мне это нравится! Моё тело меняется прямо на глазах, преобразается, что-то происходит, какие-то очень тонкие, хрупкие перемены, словно тает от первых тёплых солнечных лучей лёд на берегу, словно дрожат на снегу тени от оленьих рогов, но эта дрожь – таяние снегов, озарённых весенним солнцем.

И вот я сажусь на огромного, жемчужного цвета скакуна, и наш караван трогается в путь. Няня едет рядом на толстенной и будто замшевой ламе, зрелище это столь поражает наших спутников, что торжественность момента нашего отбытия пропадает, и мы даже пропускаем этот момент, а дорога уже бежит под ногами наших коней.

На пути попадаются небольшие селения, и я с любопытством всматриваюсь в красную черепицу крыш, вглядываюсь в отражённое в окнах рыжее солнце, в колышущиеся верхушки пирамидальных кипарисов и изгибы древних олив с их серебристыми кронами. Ландшафт

плавно переходит в степь, затем степи сменяются песками, а мы все скачем вперёд, даже не задумываясь куда и зачем.

Словно дети мы радуемся движению, переменам, новым впечатлениям и... может быть новой игре в жизнь? Война – мир, игра – реальность, мы сами не знаем с чем столкнёмся, но мы открыты новому. Однако, через некоторое время решено было пересадить меня в паланкин.

Я чувствую себя драгоценной жемчужиной, обо мне так заботятся, как кажется никогда в жизни, совсем новая для меня роль ошеломляет моё ещё полудетское воображение. Моя маленькая рука, лежащая на окошечке паланкина, притягивает взгляды едущих по обе стороны всадников, мужчин, которые кажутся мне богами, и в то же время, которых так привлекает моя личность, моё тонкое запястье с голубоватой веной, чуть заметной под золотистым загаром... Новая роль, непонятная и манящая, возвышающая до небес, пробуждающая какой-то новый инстинкт, похожий на охотничий. Женский инстинкт.

## 5

Мы почти прибываем на встречу представителей от пяти Домов нашего народа и народа орч. Ветер веет и гонит пески куда-то всё дальше и дальше, а мы стоим на месте, пытаюсь определить правильное направление движения.

Я снова пересела на своего коня, и кажется, вот тот самый момент – конечная цель нашего путешествия, осталось совсем не много, может быть пол дня пути. Но странный запах приносит ветер, дующий нам в лицо. Неприятный, незнакомый запах, ни на что не похожий, сладковатый и кислый, он едва уловим, но...

Мы едем вперёд и видим вдали нечто тёмное на песке, чем ближе мы приближаемся, тем более отчётливы становятся очертания темных пятен, и тем сильнее запах. И вот уже мы видим, и не хотим понимать то, что видим: это кровавое месиво, растерзанные и объединенные группы лошадей и всадников. За нами и чуть правее клубится песок, нечто приближается к нам, и это конец пути: предательство и западня. Орч стремительно напали на нас сзади и справа, сметая всех и вся. Их сталь с чудовищным хлюпаньем хлестала шеи наших коней, вонзалась в грудь, в лица тех, кто ещё миг назад казались мне живыми богами с серыми, синими и янтарными глазами.

Ворлаки, на которых сидели орч, слёту вонзали свои клыки во всё, что было живым, и кровь лилась по их мордам и шеям на грудь и на лапы и уходила в песок. Моя лошадь пала, я летела вниз, но не упала ещё на песок, как на меня налетел орч на ворлаки (\*ворлаки, как и орч – не склоняется и не имеет множественного числа). Сильный удар подарил мне тишину и покой на время.

## Часть 2

### 1

Сегодня десять (или двадцать?) лет с того дня, как я попала в плен в Морзаг. На самом деле десять-двадцать лет – условная дата, я придумала её сама, потому что здесь нет счёта времени и нет смысла считать, есть две вещи: ты жив или ты не жив.

Я сижу на пыльной балке в верхнем помещении полуразвалившейся старой башни, которую я отвоевала у одноглазого орч, жившего здесь до меня. Свесив вниз одну ногу, я лениво болтаю ею в воздухе. Да, это помещение можно считать элитной резиденцией, потому что оно представляет из себя достаточно защищённое убежище с контролируемым проходом. Вниз идёт ветхая деревянная винтовая лестница, с которой легко можно скинуть вниз всякого непрошенного гостя. Кроме того, стены башни всё ещё крепки, и отлично защищают от ветра и зноя. Внизу вечно толкуются несколько поселившихся там орч, но так как средняя площадка башни почти полностью отсутствует, расстояние между этими голодранцами и мной достаточно большое, чтобы не слышать их голосов.

Сегодня тишина особенно радует, ибо сегодня я вспоминаю как всё начиналось десять лет назад. Подростком (собственно, я и теперь тот же подросток, для нашего народа эти годы мало что меняют) я была захвачена отрядом орч, попав в западню вместе с моими сородичами. Все они погибли в том бою, а меня – лунноволосяю девочку с серо-синими глазами, в жемчугах, в бирюзовом и золотом шифоне – кинули своре ворлаки, которые пренебрегли мной, отъевшись кровавой плоти ещё живых наших лошадей.

Мой жемчуг рассыпался в песок: вот я падаю с лошади, и время словно замедляется – жемчужная нить рвётся и летит по воздуху вниз, словно планеты, сорвавшиеся с орбит – разлетаются по воздуху бусины, прошлое летит вниз, по капле уходя в песок. Навсегда.

Я слышу предсмертный крик няни – прощай...

Алчные морды ворлаки с хрюканьем принимают к моему телу, обтирая мокрые красные насытившиеся пасти о ткань, и вот уже золотой шифон пропитывается кровью, а к подолу пристали чьи то жилы и кишки.

Когда к отряду орч подъехал командир, судьба моя переменилась, я перестала быть кормом для ворлаки – морзагские «псы» лишились добычи, а я стала ценным элементом для селекции орч.

Ворлаки называют морзагскими «псами», но в действительности они напоминают в равной степени кабанов и крыс, от волчьей же крови в них остался один только вздох...

Долог был наш поход в Морзаг, точнее сказать, шла только я, орч ехали верхом, ибо с той минуты, как я стала ценным экземпляром для селекции, всё делалось для закалки и повышения моей живучести. И когда, наконец, настал тот час, и мы вошли в мрачные ворота, за которыми нет неба – от прежнего подростка фейри остались только синие глаза, заполненные немим ужасом.

И вот, спустя десять или двадцать лет – для фейри конечно срок не такой уж и значительный – я сижу в пыльном углу развалившейся башни, мой нож в голенище сапога, а лёгкая кривая сабля карч рядом, под рукой. Не считая ерундового амулета, в который я не особенно и верю – это всё моё ценное имущество, и в этом даже есть свой плюс – лёгкость бытия.

Я всегда готова к бою и способна дать самый жестокий отпор любому, кто сунется на мою территорию. Меня нельзя ни смутить ни запугать, моё выражение лица ничего не выражает, я – образец живучести. И я вспоминаю...

Подземелье: клетки, крики измученных пленников, ад, где царит страх, голод, боль и бесчестие. Страдания непереносимые – для тех, кто не нужен и служит лишь забавой, их мучают и пытаются для забавы и для опыта тех, кто встал в ряды Чёрного Легиона. На этих жертвах проверяют готовность бойцов и то, до какого предела холодного бесчувствия они могут пойти, что приносит им удовольствие и где они остановятся. Страдания переносимые – для тех, кто нужен, кого готовят к использованию, кто должен переродиться в нечто другое, в материал для селекции новых орч. Мне достались страдания переносимые.

Сначала испытание страхом: я видела всё, что делали с теми, кто не нужен. Видя сцены истязаний и невыносимых страданий, сцены грязные, непристойные, не уместящиеся в сознании – видя их каждый день, ты начинаешь замечать, что твои чувства притупляются, твой страх изнемог и превратился в отрешённость, бесчувствие. Дух больше не мечется, дух готов принять любой исход, потому что в Морзаге судьба и рок это одно и то же, и если попавший туда не принимает внутренне свой рок – он умирает.

Приняв же свою судьбу, свой рок – спокойно следуешь своим путём.

И вот тогда пленные подростки попадают в «детскую». Там предлагается выжить среди многих подростков орч, которые борются за еду и воду не на жизнь, а на смерть. Когда еды мало для выживания, дети и подростки орч перестают оценивать её вкус или запах, перестают понимать её цену – они получают её любой ценой и съедают всю, какую смогли добыть, что бы это ни было. Именно там я стала по-настоящему учиться пользоваться своей врождённой способностью к волшебству, я – фейри кровь от крови.

Эта способность помогла мне выжить среди чужого и враждебного месива алчности, коварства и агрессии, враждебного вообще по своей сути, и вдвойне враждебного по отношению к непохожему на них существу. Внимательно наблюдая за подростками орч, за их реакциями, жестами, дыханием – я училась читать в их душах, а души у орч есть. Именно это чтение помогало выжить. На коварство следовало отвечать коварством, на силу – волей, на храбрость – безразличием, на страх – беспощадностью, на уважение – презрением.

А вы видели орч? Орч отличаются от фейри тем, что рост их ниже, сложение их худощавое, сухое, но атлетическое, жилистое. Они способны, точно крысы, долгое время обходиться без еды и воды – а еды в Морзаге мало, ещё меньше воды. Орч могут бежать сутки, преодолевая огромные расстояния, их зрение и слух необычайно остры. Кожа орч имеет особый землистый загар, их узкие, слегка раскосые глаза на узких волчьих лицах пылают недобрым огнём. У орч нет волос, наверное они выпали у их далёкого предка, да так и повелось – потому что в пространстве Морзага воздух пронизан словно-бы нервно-пульсирующим – едва заметно, – красноватым светом, исходящим сверху, производящим странное угнетающее действие. В Морзаге нет неба, нет Солнца и Луны, нет звёзд и облаков, есть лишь странная красноватая светящаяся пелена наверху, там, где должно быть небо, и есть ночное затухание. И в этом красноватом пространстве есть нечто, что слушает и слышит... Но в Морзаге нет стихийных духов, и поэтому всё то, что составляет Морзагскую «природу» – неодушевлённое.

У орч есть душа, странная, искалеченная, но вместе они представляют собой свою особую расу, они – рождённые в Морзаге – иные и душой и телом.

Воспоминания об отце, доме, родных таяли в этом багровом свете... Но я хорошо помнила, как выживала среди детей орч.

– Значит ты умеешь держать удар? – услышала я хрипловатый, но девчачий голос за спиной.

Меня сразу насторожило: почему за спиной, это не правильно, что я подпустила кого-то сзади, даже не заметив этого.

Я острожно повернулась назад, и увидела крупную девчонку орч, которая смотрела на меня, слегка прищутив один глаз, в котором плясали недобрые искры.

– Что надо? – ответила я коротко.

– А что у тебя есть?

– Заточка. Хочешь?

Она уловила содержащиеся в ответе иронию и угрозу, и мышцы её слегка напряглись.

– Давай! – и сразу она наотмашь чиркнула меня своей заточкой по лбу, так, что я почти не успела отпрыгнуть, но зато успела нанести ей ответный удар такой же точно детской заточкой, целясь в глаз, но попав по носу.

Завязалась схватка, которая мгновенно привлекла к себе внимание полсотни ребятни орч, ведь всякая уличная поножовщина без правил – любимая детская забава в этих местах.

К немалому сожалению зрителей, в этой стычке я больше не пропустила не одного удара, но и моя соперница держалась так же собрано, отражая все мои нападения. Мы подняли клубы пыли, которая опадала на безволосые головы окружившей нас ребятни, делая наши и их жалкие наряды ещё более серыми. Вообще-то, изначально вся наша одежда была чёрной, из тонкой кожи, окрашенной в чёрный цвет с помощью угля, которого здесь добывалось не мало. Но не имея ни возможности, ни желания её чистить или тем более стирать, мы все превращались в запылённых, чумазных маленьких орч. Я была одной из самых старших, единственная с длинными волосами, и почти самая высокая. Однако, моя соперница была почти одного со мной роста! Но она не была феяри, она была чистокровная орч, без волос, с раскосыми карими глазами на узком смуглом лице.

Наконец, когда мы обе выбились из сил, безрезультатно нападавая и отражая атаки друг друга, девчонка вдруг рассмеялась и отступила.

– Меня зовут Фаина, – вдруг сказала она гордо, лихо вытирая грязным рукавом кровь со лба.

Я была поражена, действительно ей было чем гордиться, ведь здесь очень мало кто имеет личные имена, тем более такие. Фаина – необычное имя для орч, обычно же у всех есть прозвища, при том достаточно временные.

– Мэй, – ответила я коротко.

– Пошли со мной! – крикнула она, и не дожидаясь ответа, кинулась куда-то в сторону катакомб, набегу расталкивая столпившихся ротозеев. Я устремилась за ней.

Мы бежали до самых катакомб, после чего она начала быстро петлять в узких простенках, а я старалась не отставать. И вот уже мы оказались во дворе каких-то развалин, где не было ни души, как мне казалось, и это навело меня на мысль, что возможно, сейчас я окажусь в западне. Но ничего такого не произошло.

Фаина остановилась около обвалившейся низкой стены, и прошептала:

– Смотри...

Я посмотрела вниз, туда, куда она показывала, и вдруг увидела небольшой источник воды.

– Вода? Это правда вода? Можно пить?

– Да, дура ты что ли, отравленная вода не бывает в катакомбах, если рядом развалины – воду можно пить.

Я задумалась: не очевидно!

Так завязалась наша дружба. Нет, слово дружба не подходит для орч, но у орч есть нечто вроде сотрудничества на почве взаимоуважения и взаимовыгоды. Так и сложилось у нас с Фаиной. Откуда у неё такое имя, я так и не узнала, но мы надёжно поддерживали друг друга в трудный час, потому что это было хорошо для выживания. У Фаины было ещё несколько таких партнёров, среди которых было три девочки, и они образовали нечто вроде стаи. Я не вошла в их стаю, будучи чужой всем и каждому, но я всегда поддерживала их, вставая на их сторону, и потому всегда могла надеяться на поддержку любого из них, кто оказывался поблизости. Кроме того, я могла прийти к ним в катакомбы и взять у них воды или еды, когда становилось совсем уж трудно.

Однажды в самом конце нашего «детского обучения» я пришла к ним и увидела, что они делают татуировки. Райрг – подруга Фаины, наносила ей на виски причудливый узор, означающий, что она воин Дракона. Она вырезала изгибы крылатых змей, окрашивая надрезы синей краской. Фаина была счастлива: мы становились взрослыми. Но мне было запрещено наносить татуировки. Впрочем, я и не стремилась, я помнила, чья кровь течёт в моих жилах, и оставалась верна своей крови.

Фаина не дожила до конца обучения несколько дней, погибнув в одной из жестоких уличных драк.

После «Детской» выжившие подростки попадают в казармы. Там заканчивается бесконтрольная поножовщина и беспредел сильнейших, и начинается иерархия. Озлобленные, обнаглевшие от безнаказанности, безразличные к таким вещам, как справедливость и сострадание, но ценящие силу, ловкость, ум, решительность, находчивость, крысята орч попадают во взрослый мир, где игры заканчиваются, и где их встречает настоящее Зло. Зло учит их подчинению, самоотверженности, боевым искусствам и кодексу чести орч.

Но что такое честь меня научила пленная эльфийская женщина. В самом начале, ещё когда я была совсем девчонка, и меня держали в застенках, и я видела многие пытки и издевательства над пленными – я увидела как достойно держалась настоящая эльфийская леди. Да, меня научила чести женщина, которую насилуют. На грязном окровавленном каменном полу лежало её тело с перебитыми костями и вывернутыми суставами, её опалённые огнём золотые волосы, несмотря ни на что, всё ещё сияли там, где царил тьма, на залитом кровью каменном полу эту женщину насильовали несколько орч у меня на глазах, но она не кричала, не просила пощады, и хотя губы её конвульсивно тряслись, её отрешённый взгляд был далеко от мучителей, она ушла в себя и они её не взяли, нет, – они взяли лишь тело, но не её саму, и это её спокойствие было актом величайшего презрения к происходящему. Когда же наши с ней взгляды скрестились, и она заметила моё участие – её взгляд сказал мне: будь спокойна, смотри и запомни, запомни и выживи, выживи и отомсти. И с тех пор я стала спокойна, я не закрывала лицо руками, не плакала и не просила ни помощи ни пощады. Я смотрела и запоминала, и хотя губы мои порой тряслись и душа внутренне содрогалась – я выживала и ждала.

## 2

И вот «утро» – Морзагский купол загорается особым инфракрасным светом, который распространяется и заполняет едва уловимой разумной субстанцией всё пространство от высокого купола, до мёртвого, подобного пеплу, песка под ногами. В нашей башне оживление, я слышу на лестнице шум, кто-то поднимается ко мне, и вот уже видна наглая рожа залётного орч – ему любопытно.

– Пошёл вон, – сапогом в наглую рожу, после чего орч скатывается по винтовой лестнице вниз, встреченный внизу участливым гогомом собратьев.

Однако цирк окончен не успев начаться, так как все мы спешим на утреннее построение и тренировку: бег, владение ножом, карч, затем рукопашный бой...

Мы успеваем лишь глотнуть из водокачки немного воды – наш завтрак, и бегом на тренировочную площадку, откуда нас отправляют на беговую дистанцию.

После этого мы собираемся на площадке, где проходят тренировки по фехтованию. Сегодня тут особое оживление. У нас новенький! Это медноволосый фейри, рослый худой подросток с чёрными глазами и шрамом на лбу. Он совсем ещё мальчишка, и он – редкость для наших мест, ведь мальчиков фейри обычно не оставляют в живых и не обучают.

Парень отступил к стене, ожидая внезапного нападения от любого, зная наверняка, что все кто его атакует, будут сильнее и опытнее.

– Эй, щенок, покажи зубы – слышится первый выкрик из толпы скучающих перед тренировкой орч.

Я не вижу за спинами впереди идущих того, что происходит, но слышу какие-то движения, гогот, звон стали, вижу как песок поднимается пыльным столбом, и, подходя к этому времени ближе к происходящему, уже вижу, что мальчишку сбили с ног и пинают ногами, поднимая вверх песочную пыль. Но пинают лениво – устали после пробежки и берегут силы перед тренировкой.

– Встать! – окрик подходящего офицера. Начинается тренировка, все личные дела на потом.

Мы распределяемся на пары и приступаем к учебным боям. Это время ножевого боя. Со мной в паре обычный молодой орч, я ему нравлюсь, и он старается показать мне свои возможности. Краем глаза я успеваю проследить то, что происходит с новеньким – его тоже поставили в паре с молодым орч, и мой сородич, уже замаранный этим пепельным песком и своей кровью, отбивается двумя кривыми ножами с упрямством обречённой, но не сдавшейся юности. Короткоостриженные, медного цвета волосы взъерошились, а серые глаза всё ещё имеют выражение живого не подавленного чувства.

Звенит сталь, молниеносные движения кривых клинков подобны молниям посреди дня, – цинь-жень! – клинок о клинок, – чернь! – красный зигзаг на чьём-то лбу, орч! – правое плечо вперёд, орч наступает, фейри пятится к стене.

У меня огромный бонус – я очень красивая девушка. Или даже женщина, ведь я забыла что значит быть кроткой, незрелой, робкой, застенчивой, я знаю всё, что мне надо знать, и потому я женщина. Кто думает, что в Морзаге это ничего не значит – тот ничего не знает. В Морзаге это значит очень много, потому что когда по площади идёт вооружённая карч, очень красивая женщина в чёрных доспехах – воздух дрожит от напряжения, все глаза и мысли устремляются к ней, и идёт она как в скрещенных лучах прожекторов, чувствуя всей кожей желание, которое она вызывает у многих.

Но воинская дисциплина надёжно защищает женщин Чёрного Легиона. Женщине не делают официальной поблажки, но орч имеет инстинкт: почитать женский воинский дух и её тело, дарящее самым лучшим некую неведомую благодать. Женщин воинов в Легионе очень мало, обычно все женщины живут отдельно и занимаются ремеслом. Я была избранной.

Однако мой бонус не может спасти брата фейри от беды пока не закончатся тренировки, и лишь после того, как закончились фехтование и рукопашка, я поднимаю с песка за шиворот упавшего мальчика и тащу в сторону. Никто не смеет отнять его у меня, теперь он мой! Мальчик старается удержаться на ногах, и я медленно отвожу его к своей угольно-чёрной полуразвалившейся башне. С большим трудом я втаскиваю добычу к себе наверх, вручаю ему клинок и трясую за плечи:

– Если сюда кто-то кроме меня будет пытаться влезть – бей ножом не раздумывая – шиплю я ему.

Я стрелой лечу за едой – наконец то у нас время трапезы, когда все имеют право подойти к пункту раздачи еды и ухватить свою порцию. Я вырываю из рук дежурного две порции, и все смотрят на меня ошалело, но я не обращаю внимания, я уже несусь с мисками назад, взлетаю по ветхим деревянным ступеням наверх.

– Ты цел, ничего не случилось!?! – кричу я мальчику.

– Да, всё тихо, – шепчет он мне пересохшими губами.

Я не ем, я снова бегу вниз, чтобы добыть воды, много воды... И целебного зелья.

### 3

Туман, вечерние сумерки, небо и звёзды – настоящие... Небо бежит, не стоит на месте, и вот уже ночь, я пью её сырой холодный мрак, я не могу надышаться им, я пьянею от наслаждения, стоя среди бескрайней ночи на поляне перед лесом. Седеющие бледные травы клонятся к земле, и я стою среди трав – призрачная лунная волчица, тощая и злая, с пустыми глазами и седой шкурой. Я дрожу на ветру, оскалив клыки, ожидая на дороге запоздалого путника... Я дрожу от холода и сладкого чувства мести, я жду. Я ждуууу...

Какой-то звук будит меня среди ночи – я просыпаюсь. Сон окончен. Я в нашей башне, рядом тихо спит Айлиль – мальчик фейри, которого оставили в живых и определили в Чёрный Легион на обучение. Айлиль младше меня, но за последние несколько лет он так вырос, что стал почти на голову выше меня. А вот я расту плохо и для своего народа я довольно маленькая. Айлиль стал моим братом, мы побратались с ним в страшную ночь после того, как нас чуть не задрала свора ворлаки. Тогда он был ещё мелким, и мы бились с ним спина к спине. Мы поняли, что мы одиноки на всём свете, на всей земле, что у меня есть только он, а у него есть только я. Мы не знаем, помнят ли нас где-то там – в прошлой жизни, мы слышали, что всех фейри, кто попал в плен, считают врагами и предателями. Мы братались в ночь безвременья, смешав нашу кровь, а потом прыгали и плясали, обнявшись на верхней площадке развалины – морзагской башни под несуществующим небом. Там, в этом несуществующем небе, мы придумали себе несуществующую звезду, и назвали её Безымянная. С тех пор мы вглядывались в несуществующее небо, воображая себе, что где-то там, за багровой пеленой, в немыслимой выси, мерцает серебром Безымянная Звезда – единственный светлый образ для нас. Мы не вспоминали что было до плена, мы запрещали себе это. Чтобы выжить.

### 4

Снова тот же сон: ночь, дорога в поле, трава в инее, позади чёрные пики елей и очертания ветвей деревьев. Я крадусь вдоль обочины дороги – рыщущая тень в ночи, серебристая волчица, с телом, словно чуть вытянутым вверх. Я останавливаюсь и стою, замерев в ожидании. Я смотрю в вашу душу пустыми голодными глазами, – о идущие неосторожно, о те, кто преступил черту, я поджидаю вас и дождусь. Вот вы подходите ближе, и ветер швыряет вам в лицо землю и опавшие листья, веет сырым холодом, и, наконец, вы видите меня. Вы поворачиваете назад, и понимаете, что всё это время я шла за вами следом, я дышала вам в спину.

Но вот барабанный бой поднимает утро на дыбу, мы вскакиваем, как от удара хлыстом, потому что это война.

Вместо утренних тренировок – раздача дополнительного оружия и дорожных сумок. Затем нас выстраивают в колонну, и в наше пространство, в наше дыхание приходит весть: Око объявило год войны, мы выступаем немедленно.

Айлиль и я седлаем морзагских яххо – вид ворлаки, который отличается меньшей агрессивностью и годится для долгих походов. Они прекрасные носильщики и более послушны. Слово «седлаем» не очень подходит в нашем случае, обычно боевые ворлаки не признают сёдел, и орч привычно обходятся только несложной уздой, зато боевые ворлаки приучены к ношению брони, которая спасает их в битвах. Конструкция брони ворлаки имеет не только защитную задачу, но и многие приспособления для нанесения удара противнику. К слову сказать, у этой брони есть нечто, что служит подставкой для ног всадника. Ну а яххо имеют некое подобие седла, но скорее для поклажи, а не для всадника.

– Что нам делать, ведь Морзаг атакует земли, принадлежащие нашему народу, мы же не можем нападать на собственный народ!?! – шепчет Айлиль взволнованно.

– При первом удобном случае мы сбежим, – отвечаю я неуверенно.

– Ты говоришь это вслух?!!, – ужас и смятение слышатся в этих словах.

Обычно мы не только не говорим вслух ничего, что может быть для нас опасным и породить недоверие, но мы даже не позволяем формироваться крамольным мыслям, потому что всё пространство Морзага пронизано особым излучением, которое «видит» и «слышит». Всякого, кого заподозрят в крамольных мыслях немедленно забирает Дозор Ока – ДО.

– Ты прав, я сказала это вслух... Пусть, будь что будет.

Но мы подъезжаем к огромным воротам – Пепельным Вратам, за которыми начинается путь на юго-запад. Нас – тьма, стальная мрачная река, Чёрные Легионеры, марширующие навстречу своей славе – ведь для орч слава в том, чтобы победить или умереть в бою, так что в любом случае путь на войну – это для них путь к славе.

Впервые за долгие, долгие годы мы снова увидели Солнце в небе. Страшна была наша встреча с Солнцем! Какое оно – Солнце?

На рассвете реальный мир полон нежности и золотистого сияния, которого мы не видели... десятки лет. Мы забыли, что мир окрашен яркими красками, пронизан солнечным светом, теплом, нежностью, тёплыми ветрами... Лишь Безымянная Звезда дарила нам с Айлилем свой несуществующий свет, и мы потерялись в её лучах, забывшись и замечтавшись. В самом адском пекле, в пепле – мечтать особенно сладостно, не признавая ничего над своими мечтами, забыв о богах и презирая власть демонов. Да, мы не могли говорить о своих мечтах – Око слышит! Мы не могли отчётливо думать о них, но мы уходили глубже в себя, в то тайное и запредельное, куда не проникало даже Око. Только свет Безымянной...

И вот теперь мы шли, и за спиной у нас алел огромный солнечный диск, и мы отбрасывали на дорогу перед собой длинные сизые тени. Затем тени становились всё короче, пока совсем не исчезли, и это означало, что наступил полдень. Мы всё шли и шли, временами переходя на бег, на бегу съели дневные пайки, но солнце всё же обогнало нас, и теперь мы видели его перед собой.

В колонне поговаривали о том, что передовые отряды первые начнут вступать в бой, а наш характер движения говорит о том, что в бой мы едва ли вступим. По сторонам мы видели пока лишь пески и сухие травы, но говорят, что через несколько дней всё изменится.

Наш поход по пустыне занял около пяти дней, а затем мы увидели степные травы – ковыль, тысячелистник, кошачью лапку... Вот уже мы двигались верхом на яххо, а сзади нас гнали табун боевых ворлаки. По ночам мы видели звёздное небо, настоящее!

– Айлиль, окликнула я брата, – а ведь мы сейчас уже можем думать и говорить то, что хотим, нас не услышит Око.

– Да, но это плохая привычка, это опасно – потерять навык таиться, ведь если нам не удастся бежать, то нам придётся вернуться туда, где всё слышно.

– Мы побежим когда выйдем в степь, где больше кустарников и деревьев, там легче укрыться и легче выжить. Здесь нет воды, нет ничего...

К нам подошёл орч-гун – наш командир.

– Сегодня пришла команда оставаться на месте. В бою будут участвовать несколько передовых отрядов, это учебные бои, так что на славу не надейтесь! – засмеялся он, показав острые крепкие зубы, – Вы не погибнете и не победите, но зато вы получите новые навыки – вас будут обучать магии.

И действительно, через несколько дней начались уроки. Нам начали доставлять головы убитых. От нас требовалось одно: научиться правильно бальзамировать головы, чтобы затем... оживлять их.

Для павших в бою орч обычно устраивают достойные похороны – их собирают в огромную кучу и сжигают с почестями. Такие погребальные костры называют курганами. Но те орч, что показали себя в бою слабыми – умерщвлялись, а их трупы использовались для обуче-

ния чёрной магии и для приготовления лекарств. Этим нам и предстояло заниматься – мы начали проходить обучение чёрной магии. Морзаг рационален, учебные бои ведутся ровно столько, чтобы получить нужное количество убитых, чтобы провести обучение магии и алхимии. Убитых нужно много, ведь много и учащихся, потому внутренних ресурсов у Морзага на такие уроки почти не бывает, однако выбраковка в боевых условиях считается очень полезной, и заодно это обеспечивает магическую практику тем, кто должен научиться. Однако, старожилы говорят, что проведение учебных боёв обычно предшествует настоящей войне.

А ещё говорят, точнее перешёптываются – что мы не наступаем, а отступаем, и что на самом деле фейри давно осаждают эти земли, и никакая это не учебная война, а бесконечное удерживание наших рубежей.

В лагере стоит смрад от мертвечины и тошнотворный запах бальзамирующих растворов, мерзость и нечистоты – всё это душит и подавляет, калечит моё естество. Мы никуда не убежали, мы в пустыне, повсюду лишь песок, и некуда здесь бежать... Я задыхаюсь, задыхаюсь...

По ночам я смотрю в черноту звёздного неба, смотрю сквозь него, и там, где-то с другой стороны – верю я, есть Безымянная Звезда, и её свет – единственное, что придаёт мне сил.

## 5

Я заплетаю Айлилю косичку – он коротко стрижёт волосы, но оставляет несколько длинных прядей, которые удобно заплетать в косички. Мне нравится придумывать ему разные причёски, то так, то этак укладывая косички и длинные пряди.

– Эй, наверху в башне! Вам Метка!, – услышали мы с братом голос поднимающегося к нам по лестнице орч.

Один из нас должен взять метку, приняв вызов на себя. Это был вызов на дуэль – шикас на языке орч.

После возвращения с учебной войны нас стали задирать чаще, дважды нас вызывали на шикас, потому что орч знают: мы не одни из них, мы те, кого они ходили убивать за пределы Морзага, мы из гордых и своенравных, кто не подчинился Оку, презрев порядок и дисциплину Совершенства. А ещё наши глаза светлы и у нас есть волосы, которые мы заплетаем в мелкие косички, вплетая в них украшения из когтей, перьев и стальных нашивок, что доставались нам в качестве трофея за победу в шикас.

Итак, нам пришла Метка. Это была моя очередь, Айлиль дрался в прошлый раз. Шикас с женщиной, которая является ценным генетическим материалом – нарушение Порядка. Око слышало, оно знало, но молчало...

Я встала и взяла Метку из рук в руки, как полагается в таких случаях.

– Айла отдыхает, Мэй дерётся, – засмеялся орч, в принципе привыкший к шикас, ведь в Морзаге всегда кто-то дерётся на дуэли, так было, есть и будет.

Постоянная готовность к смерти – естественное положение вещей в кодексе чести орч. Они не беспокоятся о семье – у них её нет, у них нет имущества и дома, нет своей земли, они лишь воины, каждый – один, но один как все. Раненые орч демонстрируют стойкость и мужество, они преодолевают боль, никогда не жалуются и ничего не просят. Если орч может быть вылечен – ему немедленно оказывают помощь, а медицина орч очень эффективна. Если орч не может быть вылечен – он сам кончает с собой.

Оба вооружившись и надев лёгкую кожаную броню, чёрную, как водится в Морзаге – ведь красители здесь делают из угля, мы идём к традиционному месту шикас – довольно узкому простенку между двумя оградами. Он хорош тем, что с одной стороны, не позволяет дуэлянтам далеко отступать, с другой стороны, приноровившись, можно сделать прыжок вверх, и оттолкнувшись от стены ногой, нанести неожиданный удар сверху.

Шикас происходят быстро, орч не любит показухи и всё делает быстро и чётко, здесь в дуэли важен результат. Хотя если бой проходит на арене – это другое дело, тут есть задача порадовать зрителей, показать своё искусство, и здесь важен процесс. На арену не вызывают, желающие приходят сами.

Итак, мы идём! О беспечность юности, что может сравниться с ней, даже мужество бледнеет, растворяясь в рассуждениях о причинах и следствиях, беспечность же летит как пушинка на ветру – вечная неуязвимая пушинка...

В миллионный раз я перехожу эту площадь – ленивым шагом дикой кошки. Орч смотрят на меня сквозь прорези чёрных, карих, жёлтых глаз, они хотят, но не смеют взять. Я торжествую и не скрываю этого, но и не показываю явно. Мой Айлиль идёт рядом, и мне не стыдно за младшего брата, мы готовы принять вызов в любое время. Молодость и бесшабашность в наших головах и сердцах принимают любой вызов, и мы – бессмертные существа, смеем играть со смертью, в отличие от орч, которые смертны, и лишь заискивают перед смертью, возводя свою уязвимость в ранг религии.

Дуэль длилась минуты четыре, я оказалась значительно проворнее, моё тело способно извиваться и двигаться так, словно это не плоть, а тень на стене, ведь моя мать была воплощённым духом зори. Я могу взбежать на вертикальную стену, и держать равновесие в немыслимой позиции, я легка как снег, мои ткани быстро регенерируют. В этом моя сила. Моя слабость в том, что я не орч, и была создана не для войны, а для любви.

Казалось бы, правила выживания гласят: будь незаметным, не высовывайся! Но какой-то внутренний протест перед инстинктом выживания, глубоко сидящее озлобление на окружающий нас миропорядок, заставляли нас вести себя вызывающе, нам нравилось дразнить орч. И потому мы молча, без внешних эмоций, били орч наотмашь чем придётся, то и дело пуская в ход маленькие местные ножи-заточки, и когда наши клинки достигали цели, мы чувствовали смесь отчаяния и удовлетворения. Отчаяния, потому что в этом озлоблении и безнадёжности мы теряли самих себя, удовлетворение – потому что мы мстили за свои потери.

Как бы там ни было, после шикас в нашей башне, в углу верхней комнаты, которую мы занимаем, стало на один трофей больше. Дуэльные трофеи в Морзаге – это не оружие, это стальные нашивки с доспехов. Чаще всего срывались нашивки с магическими клеймами...

## 6

По вечерам орч развлекались на арене, то и дело мы слышали о выносе очередного тела, а то и двух тел – иногда выходили два на два, это называлось тагат. Несколько раз и мы с Айлилем принимали участие в этих развлечениях... Иногда, чтобы не сойти с ума, хотелось просто идти и драться на арену, или даже может быть, хотелось чтобы всё скорее закончилось. Потому что к нашим обычным занятиям боевыми искусствами добавились новые уроки – уроки медицины и чёрной магии.

Медицину изучали все, а чёрную магию те, кого готовили стать офицерами. Меня начали готовить к званию.

Когда дело касалось заговоров на оружие, исцеления ран, и тому подобных вещей – проблемы не было, но настоящая морзагская магия требует жертв, и это означало, что я откажусь. Там, вдали, на севере, возвышаются пепельные пики Драггварга – жуткой горы, чьи вершины иногда начинают светиться зловещим красным огнём, и говорят, случается это перед большой бедой. Каждое утро я, выходя из башни, смотрела в ту сторону и ждала...

Я шла к неминуемому концу, уже очень скоро – я это чувствовала, я упрусь в тупик, из которого не будет выхода. Ведь под несуществующим небом и Безымянной Звездой, никогда я не переступлю черту, за которой не станет фейри, живой моей души, способной сострадать и любить. И тогда тень Драггварга упадёт на меня и за мной придёт ДО.

И ДО пришёл. Дуэли и мои мысли сделали своё дело, однажды ночью за мной пришли.

Меня привели в подземелье, где содержались узники и отступники, и я даже не знала, и никогда не узнала до конца, что именно там происходило. Несколько ступенек во тьму завершили мой путь в камеру. В камере было темно совершенно, ни единого источника света, ни звука, ни дуновения воздуха не улавливалось. И всё же, это был мир живой и враждебный, опасность источали сами стены, а спёртый воздух хранил в себе запах крови. Тьма же наоборот казалась защитой, в неё можно было укутаться и ждать.

– Мэй, на выход! – скомандовал голос из неожиданно вспыхнувшего красным светом проёма. И меня провели по узкому каменному коридору в комнату, освещённую тремя мрачно пылающими факелами. Там сидел орч, без доспехов и без оружия, закутавшийся в ржаво-коричневый плащ. Он посмотрел на меня ничего не выражающим взглядом белёсых, почему-то, глаз, – явление для орч необычное, и сказал:

– Ты ценная самка, и ты участвуешь в шикас. Знаешь ли ты во что нам обходится твоя драная сучья шкура? Сколько лет потрачено на то, чтобы воспитать тебя достойно и научить жить, привить тебе благородные качества орч, и выбить, вытравить из тебя всякую эльфийскую мразь?

– Накажите тех, кто присылает мне метки, а не меня, – ответила я с напускной уверенностью, и стараясь не думать о том, за что я действительно боюсь ответить.

– Я не спрашивал твоего совета, но вижу по твоей наглости, что в тебе ещё слишком много эльфийской крови. Не выпустить ли мне лишнюю сейчас, к примеру в эту миску? – указал он на глиняную миску, стоящую на столе.

Я посмотрела на миску, сморщив нос.

– Десять шикас – десять суток ареста, проговорил орч в коричневом конвоиру, и хлопнул жёсткой ладонью по столу так, что миска на столе чуть подпрыгнула.

Меня снова повели по каменному коридору, факелы на стенах роняли багровые капли огня на пол, на котором угадывались трещинки и ложбинки с чем-то буроватым. Здесь веками пытали и мучили, и кровь пропитала наверное всё, ведь мыть эти полы – это трата воды, кто станет тратить на это воду?

Коридор вёл вниз, мы прошли мимо моей камеры, спускаясь дальше и дальше, в душное, пыльное, узкое пространство, откуда доносились хриплые стоны – кого-то уже терзали в этом аду.

Мы шли мимо закрытых камер, от одной из них я почувствовала опасность, от другой – смерть, от третьей – неизвестное мне нечто...

Затем мы шли мимо камер с открытыми стенами, огороженными частыми стальными прутьями. В одной из них я увидела женщину фейри, она лежала на полу раздетая, два орч насильничали её, а она смотрела в сторону и лицо её ничего не выражало, но когда она увидела меня, веки её чуть дёрнулись, как от луча света... Я видела такие сцены много раз, ещё до того как начала своё обучение в Чёрном Легионе, когда сама была узницей подобной же темницы. Вначале это вызвало во мне шок и животный ужас, но со временем я привыкла почти ко всему.

Мы шли дальше, и я видела, как в другой камере ворлаки роется в какой-то кровавой куче.

Наконец, меня привели туда, где собирались держать десять дней.

Я вошла в своё новое жилище и увидела, что это очень ветхая камера с небольшим узким окном, пересечённым толстым ржавым железным прутком. Окно было заложено камнями. Я обнаружила также, что в камеру просачивается свет, наверху было несколько узких щелей. Оттуда же иногда сыпался пепельный морзагский песок.

Оставалось гадать, почему коридор вёл вниз, а я оказалась скорее наверху, чем внизу.

К счастью, моя камера была полностью закрытая, это был каменный мешок, но это лучше, чем открытая стена с железными прутьями. Я больше любила тьму, чем свет факелов орч.

Жир, которым их пропитывают, был отвратительным, а свет был не так уж важен, я неплохо видела в полумраке, и уже успела привыкнуть к тьме, считая её своей союзницей с первых лет прибытия в Морзаге. Ведь опасна не тьма, а то, что ею пользуется. И я научилась пользоваться тьмой.

Поразмышляв о ситуации, я поняла, что десять дней – наиболее простое решение. Держать меня дольше здесь нецелесообразно, ведь так я потеряю сноровку и ослабну. Какой тогда смысл был столько времени готовить меня в офицеры и тратиться на мою «драную сучью шкуру»? Держать меньше невозможно, ведь даже за один шикас полагалось бы больше, а их насчитали десять! Откуда они взяли число десять, кто вообще может помнить сколько их было?! И ещё мне интересно, как они собираются использовать меня для селекции, ведь я фейри, а наши женщины беременеют, только если сами этого хотят. А я не захочу, сколько бы меня тут не держали.

В первую ночь я спала как убитая. Несмотря на то, что весь день я ничего не делала, мало двигалась, и, казалось бы, физически отдыхала – я устала. Айлилль там один, и, возможно, его положение там более опасно, чем моё здесь. Его никто не будет беречь, он не представляет никакой ценности, он ничто.

Я легко приспособилась к каменному полу без подстилки, ведь условия в нашей старой развалившейся башне ненамного лучше... Я быстро привыкла к мраку, к тишине и даже к крикам. Мне было всё равно что есть, вода же здесь оказалась не самой худшей водой, какую я пила.

Прошёл ещё один день, и снова наступила ночь, а я лежала на полу уже без единой мысли, и глядела туда, где угадывался потолок, смотрела сквозь него, сквозь багровый купол Морзага, туда, где в вечности мерцает голубым светом Безымянная Звезда.

## Часть 3

### 1

Я – Лунная дикая тварь, несущаяся по осеннему лесу, я вдыхаю осенний сумрак и запах опавшей листвы, моя серебристая шкура в инее, и мне хорошо и свободно. Воздух свободы можно пить, лакать, как искрящуюся звёздами родниковую воду. Нет ничего более прекрасного, чем этот воздух, этот осенний лес, опавшие листья и первый снег. Вот разве что... море...

Меня будит какой-то шорох. Моя камера... Всё тихо, мне показалось. Но через пару минут снова я слышу странный звук, словно что-то царапает о камни, и это не внутри, это снаружи. Я бесшумно прыгнула к стене, от которой исходили эти звуки, приникла к ней, вслушалась!

Да, снаружи кто-то скребётся, царапает кладку. Камни старые, и в самом низу стены, в углу, ветшают и крошатся. Неужели никто не замечал, что камни здесь уже местами не так надёжны? Я вздрогнула от этой мысли... Нельзя! Нельзя думать, «оно» услышит и придёт. Да и бежать здесь некуда, в этом нет смысла! И я никого здесь не спасу! И всё же... Пальцы мои, словно сами собой, начали судорожно ощупывать кладку внизу стены, расшатывать и скрести. Я поняла, что с той стороны кто-то точно так же пытается расшатать камни, там кто-то есть!

И вот уже мы с обеих сторон, стараясь делать свою работу как можно тише, расшатываем и разламываем камни в старой кладке. Долго, может быть до утра, мы продолжали упрямо пробиваться друг к другу вслепую, не зная кого и что найдём. Я сняла с шеи свой бесполезный прежде амулет – какой-то древний чёрный зуб, достаточно острый! – и им вгрызалась в каменную плоть, превращая постепенно её в крошево и пыль. Оказалось, что если упорно бить и долбить в одну точку, то камень начинал со временем поддаваться, особенно если бить в уже существующие трещины. И вот, ближе к утру, мы пробили сквозную дыру в самом низу стены, там где она поддавалась – крошечное окошечко друг к другу. И остановились. Ведь оба мы не знали что там, кто там – с той стороны.

Или не знала только я? Отверстие так мало, что через него мы не можем друг друга увидеть, но мы можем, наверное, протянуть туда пальцы, руки, что бы коснуться друг друга... И мы можем друг друга слышать. И вот, после минутной задержки, я услышала хриплый мужской голос, который на родном мне языке сказал:

– Я фейри, кто ты?

– Я фейри...

Впервые за десять... двадцать, двести лет? я произнесла эту фразу

– Нас слышат, здесь нельзя говорить, даже думать то, что запрещено... – прошептала я с дрожью в голосе.

– Можно

– Что?

– Можно... Можно говорить, и можно думать... Я объясню, не гони..., – прошептал мне в ответ голос, слегка задыхаясь.

Мы помолчали минуту, потом я услышала движение оттуда – он протягивал мне руку. Я протянула ему руку в ответ, и там наши пальцы соприкоснулись. Наши избитые о камни, грязные, дрожащие пальцы соприкоснулись, и мы оба поняли, что принадлежим к одному народу. Его пальцы потянулись и нашли мою ладонь, затем бьющуюся жилку на запястье. Он читал меня по пульсу...

– Слушай меня, – сказал он, – здесь можно говорить и думать, потому что я – фейри, когда-то могущественный принц из древнего рода, бывший великий колдун и воин, и я могу

скрывать от Ока то, что мы будем говорить, и я могу скрывать от него свои мысли, и даже твои. Я всё ещё могу! Я умираю, но я научу тебя, я успею... – шептал он прерывающимся голосом через пробитую нами дыру в стене. – Запомни, девочка, ты феяри, ты рождена свободной, и ты уйдёшь отсюда, сделай это, слышишь?

– Как, скажи мне, как мне уйти? Нас правда не слышат?

Страх леденил мне душу, но мне хотелось смеяться. Какое-то безумие охватило меня, и в то же время я всё осознавала и делала как никогда ясно и чётко. Впервые за долгое время я теряла контроль над собственными эмоциями, но эти эмоции словно вливали в меня новые силы.

– Я не знаю как тебе бежать, но знаю, как скрывать мысли от Ока. Слушай меня внимательно и дай мне свою руку ещё раз!

И я снова протягивала ему руку, и он вкладывал, шлёпывая в мои тонкие пальцы свои знания и силы умирающего эльфийского мага. Да, он умирал...

Он говорил со мной, и я не могла надышаться его голосом, пусть хрипящим и слабым, задыхающимся, но таким родным. У меня оставалось несколько дней и ночей, он учил меня, рассказывал о нашем народе, о прежнем мире, и о том, что в мире этом давно уже идёт война.

Мы боялись делать отверстие больше, тогда оно стало бы заметным, но мне очень хотелось увидеть своего друга, и больше всего, мне хотелось убежать вместе с ним. И конечно с моим братом Айлилем. Ведь и его надо научить, и ему надо бежать на свободу! Временами, когда мы замолкали, я лежала на каменном полу и мечтала о том, как мы все трое сбежим из этого ада, и нас не догонят и не найдут, мы скроемся, спрячемся, затаимся... Лучи Безымянной Звезды укажут нам путь и скроют нас, спрячут в своём сиянии от глаз врага!

Раз в день приносили еду и воду. Я не знала как поделиться с моим наставником за стеной, я понимала, что его положение намного хуже, и начала осознавать, что дни его действительно сочтены. Голос его слабел с каждым часом, а дыхание прерывалось всё сильнее.

– Мэй, – услышала я его шёпот.

– Что?

– Обещай мне.

– Обещаю, я обещаю... Что?

– Что уйдёшь отсюда, из Морзага. Ты вернёшься домой и будешь счастлива.

– Мы уйдём вместе.

– Нет, мне не уйти.

– Почему? – задала я глупый вопрос.

– Я ранен.

– Ты же такой сильный, такой могущественный волшебник, ты всё можешь, придумай что-нибудь!

– Это конец, Мэй. Теперь твой черёд спорить с судьбой.

Я прильнула к стене, протянула ему руку, и он едва коснулся меня своими холодеющими уже пальцами.

Слёзы текли по моим грязным щекам, а я не замечала их. Я не плакала с тех времён как меня взяли в плен.

Что же это? Почему с нами это происходит, почему у нас такая судьба?

– Меня зовут не Мэй, слышишь! – я то ли шептала, то ли кричала, всхлипывая, – не Мэй! Это здесь меня так зовут для краткости, моё имя...

– Я знаю, знаю... – донеслось с той стороны.

Потом он замолчал. Я ждала часы, день и ночь, но больше не услышала с той стороны ни звука, ни шороха.

Я сидела в углу и смотрела в никуда, сжимая в ладони свой амулет – чёрный клык.

Может быть я уснула, потому что на ресницах моих заиграл золотистый свет, и я увидела перед собой призрачное мужское лицо невыразимой красоты. Он улыбался, ясные зелёные глаза лучились нежностью, а золотые длинные волосы словно сияли, ниспадая непослушными вихрами на лоб и на плечи.

– Прощай, – прошептали красивые губы, – никогда не забывай кто ты есть! И беги... беги...

## 2

Последний день ареста я провела по-настоящему одна. Одна на всём белом свете. Так мне казалось. Одна во тьме, в самом мрачном месте самого мрачного места. Что мне делать? Что за странная судьба, почему мне выпало быть чудовищем среди чудовищ, в то время, когда мои сверстницы сейчас может быть танцуют на зелёных лугах, в лёгких кружевах и цветах, влюблённые и любимые, оберегаемые лучшими рыцарями своего народа... Я же каждый день бьюсь за свою жизнь, лишённая даже своего имени и рода.

Я нашла и потеряла, он умер, погиб в этом гадком зловонном склепе, где все мы просто мертвецы. Да, все мы уже мертвы здесь!

Я металась по камере вслепую, едва различая стены во тьме. Хотелось выть, кричать, звать на помощь. Кого? Сесть в угол, успокоиться, не думать, просто быть. Но хотелось не быть.

Мучила неизвестность, а жив ли ещё Айлиль? Быть может, я вернусь в пустую башню и навсегда останусь одна, и тогда я захлебнусь в этом море безысходности.

Сесть в угол, успокоиться, не думать! Но ведь можно думать, теперь можно! А каковы мои навыки, действительно ли я сумею сопротивляться всепроникающему Оку? И не будет ли подозрительно, что я стала непроницаема? Но ведь арестовали то меня за шикас, а не за мысли! Значит ещё тогда не слышали? Или это такая игра в прятки?

Мучаясь этими сомнениями, я услышала, как со скрежетом отпирается дверь моей камеры.

– На выход красавица, по тебе весь гарнизон уже тоскует.

Я снова шла по тому же коридору, и камеры за железными прутьями были пусты. Странная тишина заполняла подземелье, как густой туман со вкусом смерти. Прощай, ад внутри ада, надолго ли я покидаю тебя...

Я вышла из темницы и пошла по направлению к своей башне. Я отвыкла от яркого света и хождения по песку, а всего-то десять дней я провела под арестом. Моя походка стала напоминать крадущиеся движения голодной кошки. Но это пройдёт, всё пройдёт, лишь бы был цел Айлиль.

Мне хотелось бежать к башне, скорее узнать всё как есть, но бежать не стоило. Нельзя привлекать к себе внимание, и я шла через «городскую» площадь уже почти вальяжной походкой, несмотря на то, что наряд мой был так же далёк от бальных эльфийских платьев, как далека улитка до Луны, заплетённые в косичку на северный манер волосы потеряли цвет, а лицо и руки были в пыли от крошащейся кладки моей темницы. Я похудела и одичала, но может ли кто-то быть более диким, чем сборище орч? Может...

И вот я поднимаюсь по ветхой лестнице наверх, на последних ступеньках меня встречает готовый к защите Айлиль. По его глазам было видно, что через миг он мог бы перерезать мне горло, но когда он понял что это я, его глаза посветлели, и мне показалось, он плакал в душе. Мы молча обнялись.

## 3

После камеры наша развалина показалась мне княжеской резиденцией. Мы спали с Айлилем как два зверька, прижавшись друг к другу и готовые в любой момент отражать атаку. Мой учитель не снился мне, но видела я во сне только пески Морзага да крошащуюся кладку каменных стен. Мой же родной дом и отец мне никогда не снились. Сначала я думала, что это внутренняя защита отклоняет такие сны, чтобы не сломаться после пробуждения. Но со временем я стала думать, что сама аура Зла не позволяет достигнуть досюда даже светлым снам и воспоминаниям. Вот только снег... мне с некоторых пор стал сниться снег.

А утро сменяет ночь, за утром тащится день, затем приходит вечер и снова ночь. Так идёт время, и нас оттачивают, как стальные клинки, выбраковывая всех кто недостаточно живуч, хитёр, ловок, смел, кто слаб духом. Орч знает в этом толк, дух их силён и целостен. Но у них нет сердца!

Они не знают понятия «сострадание», которое, собственно, и отличает нас всех от животных. Животные ли орч? Нет, у животных отсутствует «садизм», они просто живут и радуются жизни как умеют. Орч иные.

В нашем гарнизоне было несколько взрослых женщин орч. Я очень редко их видела и почти не касалась, я не знала какие они, но видела, что они мужеподобны, ещё более жестоки, чем орч мужского пола, и они закрывают лица тканью.

В Морзаге нет сезонов, и потому нет ни зимы ни лета, там всегда одно и то же время года.

В один из вечеров мы с Айлилем бродили по катакомбам старого района нашего гарнизона. Вечерами здесь собираются группы орч, кто-то добывает сухое дерево или каменный уголь, и так разводятся тут и там небольшие костерки, каждый на свой лад пристраивает над огнём котелок, чтобы сварить себе дополнительную похлёбку из бог знает какого провианта. Особенно ценится чай – брикеты из спрессованной травы, пропитанной кровью. Всё это в высушенном виде. Брикеты кидают в кипящую воду, добавляют жир. Туда так же кидают засушенные ягоды гурч – плоды напоминают шиповник, только чёрный, но вместо гурч могут положить сушёные грибы, размолотые в порошок. Такая пища популярна в Морзаге, так как всё это мало весит, может храниться в кожаных мешочках и подолгу не портится в жарком климате. Орч курят табак из местного лишайника, используя для этого крошечные трубки, а вот алкоголь они почти не употребляют и плохо усваивают, но лекарственные снадобья на спирту распространены.

И вот, над катакомбами вверх поднимаются дымки костров орч. Они собираются группами и делятся своими историями. У каждого орч есть своя история, и орч ждёт своей очереди, чтобы рассказать её. Истории орч – это их мысли. Орч не любят рассказывать о событиях, о том что с ними случилось или случилось с кем-то при них. Они любят рассказывать о том, чего ещё нет, или о том, что было очень давно, когда их самих ещё не было. Часто такие истории сопровождаются неким подобием музыки – рассказчик бьёт в бубен (или по любому твёрдому гладкому предмету), находя свой собственный ритм исполнения. Однако это нельзя назвать музыкой или мелодией, это именно ритм, дополняющий рассказ. Иногда мы с Айлилем подсаживались к такому костру и слушали сказки орч...

Иногда по вечерам я пыталась учить Айлиля скрывать свои мысли, но почему-то дело не шло, может быть надо уметь передавать это знание через руки, может быть мой учитель отдал мне перед смертью всё то, чем владел, а я храню это в себе до конца своей жизни?

Каждый раз, ложась спать, я думала об одном и том же: как можно уйти из Морзага. Шли дни и недели, а я не находила ни одной зацепки. В свободное время я рыскала по местности, изучала дороги, осторожно узнавала пути патрулей, внимательно вслушивалась в сказки орч, и даже начала собирать в кожаные мешочки сухую пищу и чай.

Я боялась сказать о своих планах брату, ведь его мысли уязвимы! Но уходить надо было вдвоём.

## 4

Утром к нам в башню явился командир подразделения и сказал, что меня повысили до младшего офицера, и что с этого момента я перевожусь в другую группу, мои тренировки и занятия будут проходить в другом месте и с другими орч. Вот уж не знаешь где найдёшь, где потеряешь! От ареста до повышения один шаг.

Меня направили в Комитет, где выдали чёрный плащ с капюшоном, новое оружие, сандалии и отличную кожаную броню со стальными нашивками. А так же я получила замшевые штаны – «для холодной погоды». К слову сказать, я не носила ни штанов ни юбки, на мне была набедренная повязка из кожи, с многочисленными стальными заклёпками, на повязке спереди и сзади крепились довольно длинные и широкие кожаные же полосы, местами подбитые коротким серым мехом.

Кожа моя давно загорела и стала бронзовой, волосы выгорели и стали ещё светлее чем были, над верхней губой слева у меня узенький вертикальный беловатый шрам – след от удара заточкой. Тот же удар рассёк и кусочек брови и висок, так что узкие белые полосы отметили мой висок и верхнюю губу. Если бы я жила со своим народом – наши врачи легко бы избавили меня от последствий удара, и никаких следов бы не осталось. Но в Морзаге не считают нужным заботиться о внешности. Был удар – есть и следы. О моей внешности можно сказать ещё вот что: у меня тонкая кость и я кажусь немного худой, я небольшого для фейри роста, но у меня большая грудь – предмет почитания и уважения орч, и возможно – мой самый ценный талисман в мире безжалостных мастеров убийства.

– Мэй, дай посмотреть, дай потрогать, – слышала я почти каждый день. Но никто не смел домогаться меня всерьёз, это было запрещено под страхом смерти. В Морзаге всё и вся под страхом смерти...

Свою сексуальную потенцию орч удовлетворяют с ворлаки и друг с другом, только лишь мечтая о женщине, не считая тех орч, которые имели отношение к службе в тюрьмах и темницах. Но туда отправляли «работать» далеко не всех. Понятия сексуальной ориентации у них нет, все орч ориентированы на противоположный пол, но удовлетворение могут получать в любом случае.

В последнее время я стала опасаться за Айлилия – красавчика среди общей массы однообразных лиц, выше многих на голову, он был больше похож на девушку, чем девушки орч. Айлиль был ещё мальчик, его сексуальное начало ещё не проявилось, и он до конца не понимал в чём оно заключается, хотя так же видел то, что происходило вокруг. Я же уже знала об этом больше, чем позволял мой возраст и психика. Я видела в этом аду такие сцены, от которых наверное в прежние времена, будучи домашней девочкой – просто сошла бы с ума.

До того как попасть сюда, я ничего не знала о том, что происходит между мужчиной и женщиной, и то, что я здесь увидела, меня поразило. Жестокое насилие и сцены садизма, почти всегда заканчивающиеся мучительной гибелью женщины фейри. Но я никогда не видела, что происходило с женщинами орч. Видела я близость солдат орч между собой – сцены частые и обычные, видела страшные сцены удовлетворения сексуальных потребностей с трупами, с животными, с пленными... Для орч в сексе не существовало никаких табу, единственное табу – это я сама, но я не знала чем оно закончится и к чему приведёт.

В моих доморзагских представлениях отношения между влюблёнными – романтические, пронизанные тайной и взаимным восхищением, заботой и нежной лаской. Как ни странно, здесь я ловила те же восхищённые взгляды солдат, что и в Россилене! Но неужели и там это восхищение заканчивается таким вот физическим насилием, когда один заставляет страдать

другого, подавляет, калечит, убивает? Не могло же там, среди моего народа, случаться таким же сценам? И как тогда женщины после этого живы и здоровы? Так размышляла я иногда, когда очередная сексуальная сцена попадалась мне на глаза. Конечно, до Морзага я видела, как сходятся друг с другом животные, часто видела лошадей, собак, птиц. Но это было совсем другое...

В Морзаге женщина восхищала не только своей внешностью, но силой духа, когда она – более слабая и уязвимая, находит в себе силы внутренние, чтобы не отстать, выстоять, победить. И эта внутренняя сила, гордость, смелость на уровне отрешённости – порождает в орч нечто вроде религиозного почитания. Видя эти качества в женщине, они признают её превосходство. Но орч всегда готовы унижить и уничтожить свою богиню, если только она позволит себе слабость, если она оступится, промахнётся, испугается. Поэтому в Морзаге свою «божественность» надо доказывать на каждом шагу, и так, чтобы никто не мог даже заподозрить, что ты что-либо доказываешь. Таковы орч – существа странные и непостижимые.

## 5

– Запомните: синий лишайник – снотворное, чёрный – кладут в раны для излечения и заживления, коричневый – просто табак, зеленоватый – яд, – повторял высокий горбоносый орч, преподаватель медицины. Похожий на грифа, он расхаживал по комнате в сером плаще, в который обматывался наподобие мумии, и повторял нам одно и то же.

Но эти его уроки были самые опасные, опаснее фехтования и езды на ворлаки. Всё дело было в том, что для его уроков часто нужны были раненые, на которых мы учились. Иногда это были пленные. К счастью для меня, настоящей хирургии нас не учили. Но обрабатывать и зашивать раны мы учились на каждый четвёртый день обучения. Благодаря этим занятиям я узнала многие тонкости травного дела орч.

Часто дело касалось отравлений и противоядий, змей и нанесения разных ядов на разные виды оружия. По мнению орч, это тоже входило в раздел медицины.

Кроме медицины, нас учили верховой езде на ворлаки уже более серьёзно. От нас требовалось умение ладить с этими зверюшками, подчинять их себе, а также виртуозно ездить на них без седла и вести бой на скаку.

После таких занятий все мы были покусаны и избиты, мы падали и пропускали удары, и вот тут как раз начинались уроки медицины.

Однажды я пришла вечером с занятий, и не нашла дома Айлиля. Я решила подождать на месте. Усевшись в угол, я взялась чинить свою куртку, пришивая отрывающиеся заклёпки.

Вдруг на лестнице внизу послышались странные звуки, словно кто-то шёл и волок за собой по ступеням тело.

– Айла убит, забирай.

– Как убит, что ты говоришь? – вскочила я с места, набросившись на принёсшего Айлиля орч, и затем кинувшись к безжизненному, словно тряпичному телу брата.

Он был без сознания, с пробитой головой и довольно нехорошей раной в боку. Но он был жив. Орч соврал, надеясь порадоваться моему ужасу, но он же и намекал на то, что он настолько ранен, что его не спасти, а значит всё равно что убит, и добить его должна была я, раз сам он без сознания и не может выполнить свой долг.

Я кинулась за водой, скатившись кубарем с лестницы вниз, стрелой пронеслась через двор, затем назад...

«Айлэ, очнись» – шептала я ему, промывая, зашивая, заговаривая рану, омывая лоб, пытаюсь руками распознать, на сколько серьёзны травмы. Он не приходил в себя. Я проникала вглубь его существа, вытаскивая его назад, в мир живых, но он не поддавался. Мне казалось, он не хотел возвращаться сюда, и это можно было понять. Он словно зацепился за эти раны,

пытаясь по ним выйти из морзагского плена, пусть даже ценой жизни. Медноволосый, жизне-радостный мальчик не мог оставаться больше здесь.

– Айлэ, не покидай меня, не оставляй меня одну – шептала я ему уже с нотками истерики, но ответа не следовало. Я поняла, что сама не справлюсь. Я не пошла на занятия для младших офицеров, но отправилась прямо к учителю медицины домой.

– Мне к Мрео-Гу, – кинула я охраннику, врываясь в двери хижины учителя, словно так и должно быть.

– Куда, вот тварь! – бросился за мной охранник, и мы оба влетели в прихожую.

На шум вышел сам учитель, и сразу узнав меня, отослал охрану.

– В чём дело, фейри? – вперил он в меня свои угольного цвета глаза, – в чём дело.

Я слегка опешила, никто меня здесь ещё не называл фейри, все делали вид, что с этим покончено, вынуждая меня саму себя считать одной из них.

– Мой брат смертельно ранен, я не могу его вылечить и даже не могу привести в сознание, – сбивчиво начала я объяснять.

– Тогда он умрёт, – ответил спокойно врач.

– Я этого не хочу, помоги мне, – уже и я вцепилась в учителя взглядом, как клещами, – ведь ты сможешь мне?

– Что я за это получу, девочка?

– Что ты хочешь?

Возникла пауза. Затем врач резко и чётко произнёс:

– Тебя.

– В каком смысле?

– В прямом, я хочу провести с тобой ночь.

– Это невозможно! – испугалась я, не зная как поступить, но в душе уже готовая отдать этому орч всё что он захочет.

– Это условие. Это справедливая плата, – напирал он.

– Тебя казнят или скормят ворлаки прямо живым, – неожиданно для самой себя перешла я в наступление, – но если ты этого так желаешь, пусть будет так!

Врач замолчал и сел на кресло. У него в комнате имелась плетёная из ивняка мебель – удобство довольно редкое для Морзага. Наконец он проговорил:

– Жизнь мальчика для меня и для всех остальных ничего не стоит, но в то же время стоит для тебя очень много. Что у тебя есть достаточно ценного, за что я не заплачу своей жизнью?

– У меня ничего нет, – с облегчением и злорадством ответила я.

– О... речь идёт о жизни твоего брата, а ты торгуешься, – с тем же злорадством заметил врач, – видимо тебя здесь всё же кое чему научили.

– Так чего ты хочешь, коллекцию трофейных нашивок, мою саблю, котелок, мешочки с чаем или может быть мои штаны? – продолжила я язвительно.

Врач встал и подошёл к окну, он снова помолчал, а затем ответил очень серьёзно:

– Я хочу того, чего у тебя пока нет, но когда ты станешь старшим офицером, у тебя это будет. Тогда и сочтёмся. Согласна?

Не имея выбора, я ответила «да», и мы ударили по рукам.

Мрео-Гу, – так звали врача, – отправился в другую комнату, откуда вышел уже неся в руках нечто вроде кожаного чемодана. И мы пошли в мою башню.

Айлиль лежал так же – обмякший, не подающий признаков жизни.

Мрео быстро раскрыл свой ящичек и приступил к работе. Его талант был несомненен – он был прекрасным хирургом и сильным орч-шаманом.

Вот уже по стенам в красном пламени кружили чёрные тени, а в котле кипела какая-то адская смесь для лечения. Башня опустела, все кто жил внизу почуяли недоброе, и посчитали нужным прогуляться подальше от башни. Все боялись чёрных теней.

Властный окрик шамана – и губы Айлиля дрогнули. Нет, он не вернулся, но словно бы приостановился, не смея уходить дальше в мир забвения. Очень очень медленно он оборачивается – да, он что-то видит здесь, в мире живых. Он прислушивается... Он не знает что делать.

– Эй, фейри, – снова называет меня так врач, – я сделал с раной всё что должно, парень может жить. Если захочет. А теперь я ухожу.

– Как уходишь, но он же без сознания!

– Остальное твоя работа. И помни о сделке.

Я была в ярости и готова была сунуть нож под рёбра этому ублюдку, но не могла сосредоточиться на чём-либо, кроме непосредственно лица Айлэ, мой взгляд был прикован к его закрытым векам, сомкнутым губам... Между тем, чёрные тени схлопнулись веером и чемодан закрылся.

Звенящая тишина ночи окутала меня, как саван, снова я одинока в этом страшном чужом мире, одна на всём белом свете. А здесь и свет не белый... Я смотрю в лицо Айлиля, шепчу ему ласковые слова – я вспомнила их! Глажу его непослушные медные волосы, зову по имени.

Мне безразлично, что стены моего жилища содрогнулись от бешеной пляски чёрных призраков, какая разница? Мне всё равно... И я засыпаю сидя, склонив голову вниз.

– Мэй, мне больно, – разбудил меня стон Айлиля.

## 6

Дни летели быстро, я разрывалась между тренировками, учёбой и уходом за Айлилем. Мне сказали, что если я его быстро не поставлю на ноги, то по закону Морзага его умертвят. И я старалась изо всех сил, промывая и заживляя рану, заговаривая и зачаровывая плоть и кровь его, утешая его дух. Особых личных талантов к исцелению у меня нет, хотя все знания, какие только возможно в области медицины, я хватала с жадностью, ибо знания эти полезнее всего, да и вообще всякое знание для меня было как глоток живой воды. Но я не справлялась, я боялась оставлять его одного в башне, но и сидеть с ним, не посещая занятия, я не имела права. Тогда я решила отправиться в квартал, где жили женщины орч, и найти там Райрг.

Я вышла из башни и не глядя по сторонам, не обращая внимания ни на что, словно во сне, стала продвигаться по направлению к женскому кварталу. Я шла быстро, стремительно, и так же быстро и нервно возникали в моей голове мысли о том, почему я не живу вместе с большинством женщин орч, и что в сущности, это очень хорошо для меня. Мне повезло, что я не стала одной из многих женщин орч, созданных для размножения, и что из меня делают именно офицера, а не рожаящую самку. Но почему? Однажды один из старших офицеров сказал мне одну вещь: есть размножение, а есть селекция. В этом видимо была суть вопроса... Да ведь я и не была орч!

И вот, я быстро шла по узкой пыльной тропе к низким глиняным строениям, которые издали казались чем-то средним между казармами и сараями, а вот сверху наверняка было бы видно, что это настоящий лабиринт.

Все эти постройки были в принципе одинаковы, и различались лишь потому, что строились они при разных обстоятельствах. В этом лабиринте мне предстояло найти дом, где жила Райрг.

Давно, очень давно я не была здесь, и не знала, как примет меня повзрослевшая Райрг, подруга погибшей Фаины.

С порога одного из домов из узкой щели на меня уставилась пара недобрых, светло-желтоватого цвета глаз, из дверей следующего дома вышла женщина низкого роста, в чёрном покрывале на голове, но я не останавливаясь неслась дальше, вглубь этого змеиного гнезда... Наконец, в узком простенке мне преградили дорогу две молодые женщины с лицами, лишь

наполовину закрытыми кирпичного цвета тканями, в руках у них были ножи. Они молчали, но вопрос был в их глазах, и вопрос требовал быстрого и ясного ответа.

– Райрг, – только и сказала я.

Тогда появилась третья орч, и кивнув мне, дала понять, чтобы я следовала за ней. Она быстро повела меня по очень узким простенкам между сараями. Петляя, мы продвигались всё дальше, время от времени минуя небольшие дворики, где можно было видеть каменные лавки и даже что-то вроде торговых рядов, и очень редко попадались бадьи с водой. Зато в каждом дворе было подобие очага, так что можно было понять, что внутри сараев очагов не делали.

И вот мы оказались в районе, где на улице тут и там стояли ткацкие станки, за каждым сидела женщина орч и ткала полотно, а дальше, видимо, были красильни, где полотно окрашивали в чёрный и кирпичный цвет, после этого последовал квартал, где ковали оружие, дубили кожу... Всё это делали женщины орч – одинаковые, молчаливые и враждебные. Наконец, мы пришли во двор, где не было ни ткацкого станка, ни развешенных тканей, ни наковален, ничего вообще, кроме очага и колодца, колодец – большая редкость!

Мой проводник остановился, указал на двери, и, развернувшись, мгновенно исчез.

Делая последние шаги к двери, я припоминала черты лица из тех далёких уже лет, когда я была ещё совсем девчонка, и когда я приходила иногда к стайке подростков, состоящей в основном из девочек, и где главарём была Фаина, а её телохранителем – Райрг. Я пыталась вспомнить черты лица высокой, крупной Райрг, и они казались мне несколько тяжеловесными для орч, с широким носом и припухлыми губами, с крупной челюстью... И вот уже память моя, словно из тумана соткала в воздухе лицо из прошлого тогда, когда я переступила порог глинобитного жилища, и лицо это неожиданно наложилось на другое лицо – лицо реальное, бледно-флуоресцирующее в тёмном углу комнаты.

– Райрг?

– Я...

В тёмной пустой комнате, в углу, сидела старая толстая женщина орч.

Райрг... Я совсем забыла, что прошедшие годы ничего не значат лишь для бессмертных, но для смертных орч эти годы – старость. Нет больше той полной смуглой девочки с тёмно-кариими коровьими глазами, но есть старая шаманка Райрг, и она сидит передо мной, опоясанная высушенными кишками или чем-то вроде этого... Обнажённые груди её висели – пустые и бесполезные, живот выпирал, широкие ноздри были напряжены, и лишь глаза оставались прежними, если не считать ещё большей недоверчивости и абсолютного равнодушия. Это был взгляд женщины, которая за долгую свою жизнь никогда не знала сострадания. Лицо её было обмазано белой глиной, и смотрелось как живая маска.

– Зачем ты пришла, – спросила она меня.

– Я пришла по старой традиции, сегодня мне нужна помощь.

– Традиции больше нет.

– Ты уверена, что тебе ничего не надо?

Она помолчала. Затем встала, и перебирая пучки каких-то сухих трав, подвешенных на стене, задумчиво проговорила:

– Я вижу, что время не властно над тобой. И это значит, что ты не наша. Но ты никогда не была одной из нас. Что тебе надо, скажи мне?

– Мой брат смертельно ранен, мне нужна помощь в его лечении.

– Брат... Я не лечу, я только убиваю.

Я не знала что сказать, и молчание затянулось настолько, что мне казалось, тишина вот-вот расколется, как лёд от удара топора. Наконец я сказала:

– Мне надо каждый день ходить на занятия, но я не могу его одного оставлять, мне нужна смена.

– Хорошо, я пошлю тебе смену, но ты будешь должна мне пять шикас – по одному шикас за два дня смены. Можно не шикас, мне нужен результат и всё. Десять дней мы будем помогать тебе, и если твой брат не встанет на ноги – это твоя проблема.

– Шикас? У тебя есть враги?

– Не важно.

– Согласна.

– Иди за мной.

И мы снова петляли по узким простенкам, ноги мои утопали в сером песке, солнце пекло, время шло, и я беспокоилась, что мой поход затянулся, тогда как Айлиль долго оставался один без присмотра. Наконец, мы пришли к совсем бедной лачуге, откуда вышла юная орч, очень тоненькая и запуганная. Она почти не имела одежды, но на поясе у неё висел кривой нож, а голова была обмотана полосатой тканью.

– Это Кив – моя слуга, и она будет твоей сменой. Покажи ей дорогу, она будет приходить в то время, когда ты ей скажешь. Когда будет надо – она будет сообщать тебе о шикас.

После этих слов Райрг резко развернулась и ушла, не обернувшись.

– Пошли, – сказала я Кив.

И мы пошли ко мне в башню.

Десять дней я ходила на занятия, оставляя Айлиля с Кив, договор был в силе.

И вот, наконец, Айлиль поправился, а моим неожиданным достижением стало не целительство руками, а создание небольшого светящегося цветка. Он появлялся из моей ладони по желанию, и мог неплохо светить мне во тьме какое-то время. Цветок напоминал белую лилию, был бесплотен, и весь состоял из белого света, но свечение от него было голубоватым.

В Морзагской магии успехи мои были средние, как и в боевых искусствах. Всё что, в Морзаге в меня вкладывали, всегда имело неожиданный результат. К счастью, я научилась скрывать от своих учителей, чему я научилась на самом деле, и свой цветок я тоже не показывала никому.

Пять шикас стоили мне немало крови, в прямом смысле этого слова. Я стала наёмницей шаманки орч и убила пять её личных врагов, выполнив условия договора. Однако, всё проходит, прошло и это, и казалось, худшее что с нами могло случиться уже позади.

## 7

Дни и ночи наши протекали однообразно, ничего нового не происходило, и так длилось до тех пор, пока внезапно не настиг нас удар судьбы, или, вернее сказать, не настиг нас наш рок.

В один из вечеров всех построили на площади и объявили нам, что в полночь орч выступает из Морзага всей своей мощью, и это будет началом большой настоящей Войны. Времени на сборы дали три часа. А что орч собирать? Они всегда ко всему готовы.

Мы поднимались к себе в башню, когда нас нагнал орч-гун – командир нашего участка, и сказал, что Айлиль идёт с нашим подразделением на войну, а я остаюсь в Морзаге продолжать обучение.

Нас разделили!

Я сидела в углу и мрачно смотрела как Айлиль собирал свой походный рюкзак. Вот и всё... Вернётся ли он, увижу ли я его вновь?

Я смотрела на его согнутую спину, на загорелую шею, на которой поблескивала в тусклом свете широкая серебряная цепочка... А ведь он уже совсем взрослый, и теперь он идёт своей мужской дорогой дальше, а я остаюсь одна. Возможно, ему удастся спастись, бежать где-нибудь там, за зыбучими песками, за топкими болотами...

– Айлэ! Обещай мне!

– Что обещать?

- Обещай что сбежишь, ты должен бежать.
- Но как я убегу, нет, я вернусь сюда, к тебе, как я тебя оставлю!
- Нет!! Ты вернёшься домой и будешь счастлив.

И он ушёл, растворился в черноте ночи, а я стояла на пороге и смотрела в эту черноту, где вдали мерцали факелы и били походные барабаны, предвещая гибель всему, что попадёт на пути.

Но это не было настоящей большой войной, как делали вид эти обезумевшие вояки, просто очередная партия орч двинулась убивать и грабить. Говорят, что Гроч (Железные врата твердыни, которые так же назывались ещё Железная глотка) осаждают войска эльфов, хотя и в это я не верю. Скорее всего, обе стороны держат дистанцию, будучи готовы к бою, и лишь изредка пробуют свои силы, вступая в открытое противостояние.

Медленно и устало я поднялась наверх, в своё опустевшее «гнездо», села в свой тёмный угол, раскрыла ладонь и создала свет-лилию. Голубоватый огонёк осветил мои дрожащие пальцы и печальное жилище, но ничего для меня не изменилось. Я сжала ладонь в кулак, свет погас, и тёмные стены сомкнулись надо мной как тёмные крылья.

Примерно половина гарнизона покинула наш участок, стало тихо и уныло. Война затянулась, а здесь внутри мало что происходило.

Время шло, песок слегка задувало ветром, и он клубился над дорогами, оседая на мёртвых камнях, кроме которых больше и не было ничего в этом странном серо-багровом мире.

И чем больше из меня делали элитного офицера, тем больше я уходила в себя, становясь сосудом из чёрного хрусталя, за грани которого никто не может проникнуть, и что внутри – неизвестно никому.

Уже ни кто не пытался без спросу ввалиться ко мне наверх в башню, меня не задирали, почти не было случаев шикас или каких-либо стычек, я не стояла в общей очереди за похлёбкой, я была неплохо одета и вооружена, за мной был закреплён личный ворлаки. Я стала элитой.

Меня преследовало желание бежать, но из-за войны патрули усиленно расхаживали по всем дорогам и путям, всё строго контролировалось и задача моя усложнилась в разы.

И тогда по ночам ко мне стали приходить иные мысли – мысли о смерти. Смерть виделась мне логичным завершением моего рока. И поскольку приближалось окончание учёбы и прохождение особого Испытания – я почти не сомневалась, что мой конец близок.

Конечно можно было бы и не ждать этого Посвящения, а немедленно разбить свой «чёрный сосуд», и показать всем, что из меня не сделали орч, и вообще ничего не сделали, что я такая же как и была – фейри по крови и по духу. И что никогда я не совершу ничего такого, что противоречило бы моему личному кодексу чести, моей собственной морали и моему мировосприятию. Но всё же, жажда жизни и хрупкая надежда на чудо перевешивали здравый смысл. Я выжидала и скрывала свои мысли и чувства, кривя в презрительной улыбке губы каждый раз, как видела Мрео-Гу, врача с которым заключила сделку. Я знала, что он будет обманут мной больше, чем была обманута им я сама. В предчувствии скорого конца мне вдруг становилось весело, словно я готовилась к освобождению.

В эту ночь я сидела одна на верхней площадке башни и глядела в пустоту, пытаюсь рассмотреть свою Безымянную Звезду за Ничем. Сон незаметно подкрался и закрыл мои глаза.

Вот уже я в сотый раз – бледная тварь в волчьей шкуре, и я сижу на берегу моря и гляжу вдалёк. Вдруг сзади я услышала чей-то голос:

- Ты же обещала, вспомни, что ты мне обещала...

Его ладонь опустилась на мою волчью голову, и он сел рядом со мной на камень.

Так мы сидели и смотрели, как волны набегают на песок, оставляя брызги у самых наших ног. Точнее, это у моего учителя были ноги, а у меня лапы. Это ведь был мой учитель, узник темницы, который передал мне своё умение скрывать от Ока мысли и чувства.

Вдруг вдали я увидела очертания корабля, такие знакомые очертания! Это «Мираж», о, это тот корабль, на котором я приплыла когда-то в гавани Россилена.

– Учитель, если я побегу и меня убьют – это будет правильным концом моего романа? – спросила я, не отводя пристального взгляда от «Миража».

– Не думаю...

И мы сидели на берегу молча, и смотрели на смутные очертания корабля на горизонте.

## 8

Утром объявили, что Испытание начинается. Прошедшим его предстояло пройти ритуал Посвящения.

Я вышла из башни и направилась к зданию, где прохожу обучение.

К своему изумлению, я увидела, что на площади выстроились какие-то незнакомые мне до того существа. Говорили, что это люди! Люди? Кто такие люди? Ах, это те, что появились не так давно в Мидварде, странные, немощные, и говорят, что они смертные, как орч. Людей было около сорока, мужчин и женщин. Их собирались убить.

Я шла мимо, разглядывая этих чужаков, и не испытывала никаких эмоций. Мне не было их жаль, я им не сочувствовала, и я их не понимала.

Одетые в некрашенные льняные, очень простые одежды, они были ниже меня ростом, такие жалкие, оборванные, заплётённые, но странно светлые. Они были «хорошие», правильные, пусть и испуганные, и даже сдавшиеся... Но правильные. Словно не было в них ничего лишнего, только то, что нужно для счастья, живя спокойной простой жизнью.

Этих людей собирались убить. Наверное, на них будут проверять кого-то, кто сегодня проходит испытания?

Я не буду их спасать, мне всё равно...

Я тоже шла навстречу своей судьбе, своему року. Я не боялась испытаний, но я боялась только одного – ритуала посвящения.

Этот ритуал калечил душу, потому что, по сути, это была настоящая чёрная магия. У орч был обычай: они закапывали в морзагский песок отрубленные головы, и держали так их какое-то время. Мозги в этих головах как бы бродили, тухли, выстаивались... И то, что в итоге получалось – есть вино орч. В определённое время они выкапывали эти головы, и пили из черепов заклятое вино... Это и был ритуал, последняя проверка. Я знала точно, что никогда, ни при каких обстоятельствах, ничего подобного делать не буду. Но того, кто отказывался, ждала особенная смерть.

Система не позволяет останавливаться, попавший в сеть всегда становится или жертвой или мучителем, и на каждом этапе ждёт новое посвящение в падение... Каждый раз требуется сделать нечто такое, что почти уже за гранью твоих моральных и физических возможностей, и опуститься ниже. Душа должна постоянно проходить новый этап «омертвения». Но это касается только тех, кто становится офицером.

Итак, в этот день наша группа проходила испытания – сначала фехтование, затем обращение с ворлаки, затем медицина и ещё ряд других дисциплин. Все были одинаковые, я – другая, и на мне была особая концентрация внимания, я ощущала это буквально кожей. Так мне казалось... Все эти испытания я выдержала нормально, показав свою пригодность.

Но вот гигантские песочные часы Морзага стали прозрачны, ибо мёртвый его песок весь перетёк вниз, оставляя от времени несколько песчинок.

Нас привели туда, где всем предстояло пройти посвящение орч, испив заговорённого чёрного вина из белого черепа.

Кто не готов?

Мы стояли на площадке, где в песке хранились головы убитых врагов. Нас было около шести.

Где-то совсем рядом появились несколько невидимых тварей, или, если точнее, они были между миром видимым и невидимым. Это было что-то вроде малых узворов... Они должны были разорвать на куски того, кто откажется от ритуала или не пройдёт его так как надо. От них шёл такой же ужас, как от узворов – девяти королей древности, час которых, впрочем, ещё не настал тогда. В то время были только эти, но сколько их было я не знаю. Однако ужас, который вызывало их присутствие был стихийным, тёмным, леденящим... Внешне они не были ни как орч, ни как животные, ни как люди, и рвали они своими призрачными зубами не только тело, но как будто саму душу. Говорили среди нас, что после этого сущность распалась, и даже за гранью этого мира уже не могла собрать себя в единое целое, и никогда она не могла вернуться в мир живых, но не могла и успокоиться в мире мёртвых. Такая участь ждала тех, кто слушается воли Ока и не исполнит ритуал.

Пришёл главный офицер, который должен был провести ритуал посвящения. Момент настал.

Я почувствовала что мои мысли и душу как будто прочли, просеяли сквозь сито, мой чёрный хрусталь не помог мне закрыться, да и смысла уже не было скрывать свои цели... В этом была явная польза – не надо было устраивать сцен отказа, ничего не надо было говорить и делать. Я почувствовала, что вот прямо сейчас узворы будут рвать меня на куски.

Было страшно и грустно, я сожалела... Но могло ли всё это уместиться в несколько секунд промедления?

Последние песчинки упали на дно песочных часов, пора...

И вдруг случилось чудо. Я заметила, что тоже понимаю их мысли – мысли тех, кто решает мою участь.

Я поняла смысл вердикта: мне предлагали дуэль с главным офицером. Если он побеждает – я буду убита от меча, если я побеждаю – я получу право на свободу. На удивление и размышление не было времени, в единый миг мы оба одновременно выхватили оружие и сошлись в очень короткой смертельной схватке. Я успела лишь оценить свои шансы – они равны нулю, я менее опытная и сильная.

Бой длился, может быть, менее минуты, сталь со звоном ударилась о сталь, я двигалась молниеносно и автоматически, мгновение – и я снесла орч башку.

Никто не тронулся с места. Орч любят поединки и драматические развязки. Все были довольны зрелищем, несмотря на то, что победила я – отступница, а не орч – защитник ритуала и порядка. Но договор есть договор! Я оказалась быстрее, и я возьму то, что мне причитается!

Но сначала я возьму отрубленную голову как трофей и пропуск на все четыре стороны.

Я сдёрнула с себя плащ и завернула туда голову старшего офицера. Я действовала машинально, и всё что я делала было продиктовано инстинктом выживания.

Я знала, что когда я пойду через Литс-Гар – пески, разделяющие Морзаг с другим миром – я сделаю остановку и проведу магический ритуал, которому меня же и научили в Морзаге. Я заставлю мёртвую голову жить, я сделаю из неё зомби, чтобы после она на каждом посту могла подтвердить, что я свободна по праву договора. Ведь мёртвые не могут лгать, это знали все. Такие головы назывались тимарины.

И вот я пошла, прямо сразу после поединка я вдруг получила долгожданную свободу. Мне не предлагалось вернуться в башню и взять с собой что-либо, на мне были лёгкие доспехи, кожаные сандалии, со мной было оружие и голова в плаще. К счастью, вода в фляге ещё была.

Я двинулась по направлению к ближайшим известным мне воротам, и никто меня не остановил. Пока я продвигалась по территории крепости, я не стеснялась присваивала себе всё что видела полезного, никто не препятствовал мне, не зная точно как вообще со мной себя вести. Но жизнь в гнезде скорби научила меня радоваться пустым рукам, так что я долила воду

в флягу, прихватила по пути сушёные гурч, со мной была лёгкая сабля из чёрного морзагского сплава, подобранный детский лук, заточка и лечебный сухой мох.

## 9

Я шла и шла по гиблым пескам Литс-Гар. Оживлённая голова была завёрнута в плащ, который я уже волочила за собой по песку, едва соображая куда и зачем я иду, еле передвигая ноги. Усталость и жажда довели меня до изнеможения, и моё движение было почти невозможным бредом.

Однако, всему приходит свой срок, и вот я различила в дали какие-то тёмные вытянутые песчинки, моё воображение, должно быть, начало создавать миражи. Но нет, это не миражи и не песчинки, это настоящие чахлые травки выделялись на фоне уже жёлтого и белого песка. Я остановилась и внимательно поглядела на линию горизонта, где мне уже виделись какие-то необычные, забытые мной оттенки – зеленоватый и голубой. Что это, что?

Я прибавила шагу, насколько это было возможным. Словно второе дыхание открылось у меня, и я дошла, наконец, до линии горизонта: это был ручей.

Как известно – море начинается с ручья...

## Книга 2

### Часть 1

#### 1

Спасибо врагам моим, они научили меня выживать! Прошло время и я оправилась после тяжёлого перехода через Литс-Гар.

Странно, я продвинулась на юго-запад, и здесь намного холоднее чем там, откуда я шла. Может быть Морзагский купол меняет климат во всём районе? Но лишь днём в Литс-Гар жара, ночи же в этих пустошах холодны. А ведь это было лето...

Запасы мои закончились. Лишённая воды и еды, я шла через гибельные пески несколько дней, и уже на исходе своих физических сил я дошла, наконец, до лугов, сменивших безжизненный ландшафт из светлого песка на зелень трав. Большая часть этой пустоши, как ни странно, всё же поросла травой и несла в себе какую-то жизнь.

Хотя в Морзаге нас – будущих офицеров, учили разбираться в картах, и мы приблизительно представляли себе район, где мы находимся, точного направления своего пути я не знала, но я ориентировалась по звёздам, направляясь на юг и оставляя цепи гор по правую руку. Я шла туда, где среди холодных скал Эрвирина рождается Синсиэль – великая река нашего края. Мне просто хотелось это увидеть! А дальше... Решусь ли я повернуть дальше на запад, чтобы идти домой в Остельван? Я не уверена... Я не решалась идти домой, боясь клейма предательства. И хотя со мной был свидетель моей незапятнанности – голова врага – уверенности у меня не было ни в чём. Да и сущность моего свидетеля могла ужаснуть кого угодно. Между тем, голова действительно помогла мне благополучно миновать несколько патрулей орч, которые не склонны ужасаться.

Как только солнце склонялось к закату, слышался, казалось, со всех сторон, вой и дикий хохот. Это по ночной степи за мной следовали шакалы, которые надеялись, что я, наконец, упаду и потеряю силы к сопротивлению. Однако этого не случилось, но я подружилась с одним из них, и теперь он бежит за мной, интересуясь результатами моей охоты. Я дала ему имя Чиль.

– Чиль! – кричу я ему, – иди сюда, любопытный нос, доедай кролика, пока вороны не утащили остатки к себе.

Я сижу на вершине зелёного холма и греюсь у костра, не страшась абсолютно ничего. За всё время моего пути по степи я встретила лишь шакалов, кроликов и ворон. Но теперь, в зелёных холмах, я видела маленьких ланей, выдру у реки, и множество птиц. На рассвете, пронизанные ласковыми солнечными лучами, в бликах от утренней росы, просвечивали алым маленькие ягоды спелой малины. Мир прекрасен!

У широкого быстрого ручья я сняла всю одежду и выстирала её, отдавая солнцу свою обнажённую кожу с особым наслаждением. Цвет моей кожи становился золотисто-бронзовым, наконец-то приобретая красивый естественный оттенок. С каким восторгом я погружалась в чистый искрящийся поток воды! Как летели на ветру распущенные лунные пряди волос! Я – это Я...

С вершины холма всё ещё видны были белые пески первой полосы пустыни, наиболее отдалённой от Чёрной Твердыни. Этот песок был по-своему красив!

Белый цвет песков, в зависимости от времени суток, имел множество оттенков, и я всё никак не могла перестать смотреть туда – в сторону пустыни, откуда я пришла. Я полюбила

пустыню. Я слушала пески, видела движение отдельных песчинок, гонимых ветром с неизменным упорством, словно в движении их был какой-то потаённый смысл.

И так я провела несколько дней – на вершине зелёного холма, опьянённая свободой и ложным чувством защищённости. В глубине души я понимала, что опасность рядом, но игнорировала все её приметы. Да и в самом деле, что мне ещё нужно? Я получила свободу и теперь могу даже окончить свой путь, здесь, между мирами Добра и Зла, между пустыней и зелёными долами, между прошлым и будущим. Время остановилось. Мне казалось, что мой путь окончен, и я беззаботно рассматривала по ночам огромные звёзды, опрокинувшись в сонные цветы. Там, среди этих звёзд, есть одна моя, нет наша – Безымянная звезда.

## 2

Кто-то сопит и тычется влажным носом мне в плечо, я просыпаюсь.

– Чиль, это ты, – сонно бормочу я имя знакомого шакала, который так и не покинул меня за время моего кочевья по холмам.

Все годы, проведённые в плену, я вынуждена была всегда быть на виду, чужая среди чужих, и даже в мыслях чувствовать постороннее вторжение в свой личный мир. И вот теперь я получила свободу и полное одиночество, не считая этого маленького серого шакала, ни одна душа не тревожила мой покой. И пусть где-то восточнее шла война и рушился миропорядок, здесь, в зелёных холмах было тихо и безлюдно. Западнее высились цепи высоких заснеженных гор, и далее сам трёхглавый великан Эрвирин устремлял свои пики к небу! И там был мой путь домой, и я шла вдоль цепи гор на юг.

Эрвирин... Может быть там Айлиль? Может быть он бежал? Но Айлиль с востока, и если он бежал, его следы стоит искать восточнее. А вдруг он вернётся в Морзаг из-за меня? Или он убит? Эти мысли единственные нарушали моё умиротворение. Кроме того, я беспокоилась, как бы шакал не уволок моего свидетеля. Картина чудовищная, и вместе с тем комичная.

Наконец он приснился мне – мой учитель. Он улыбался, но молчал.

– У меня получилось, – прошептала я тихо, – но скажи, куда мне теперь идти? Я всем чужая!

Учитель не ответил и исчез. Было утро и был день.

Вечером, глядя на огромный огненно-красный диск заходящего за холмы солнца, я вдруг ясно осознала, что мне надо делать. Я посмотрела на юго-запад – на снежные вершины синеющей вдали гряды гор... я знала что мне делать! Я дойду до истока Синсиэля, затем поднимусь в горы к ледникам, найду укромное место среди льда и холода, и спрячу там свой залог свободы и пропуск домой – голову побеждённого мной орч. А затем пойду на восток – искать следы Айлиля.

От скуки я стала учить Чили таскать за мной завязанную в плащ голову. Не носить же её самой! Главным условием сохранности моего свидетеля была сытость моего шакала...

Мы продвигались вдоль горной цепи на юг, и чем дальше – тем осторожнее я становилась. Однажды я увидела целый караван фейри. На лошадях они двигались с запада на восток, неся с собой большое количество какого-то груза. Я держалась сзади, петляя и тормозя своё движение, чтобы не быть замеченной. Я не чувствовала себя готовой к этой встрече, одинаково сторонясь как орч, так и фейри.

Если бы я тогда знала, что этот караван – фейри моего клана,двигающиеся из Остельвана туда, где они уже пытаются построить новый дом, новый город – в затаённой долине, скрывая тайну прохода туда от всех.

Строительство продвинулось настолько, что город-то уже почти был, но мой отец, как я позже узнала, всё ещё медлил с полным переселением, почти последним оставаясь в старом, опустевшем своём гнезде, где он всё ещё ждал меня.

И вот я различила с высоты скалистого утёса – светлые вены рек вдали, и зарождались эти светлые извивы в Горах Тени.

Вот я и дошла до истоков великой реки, несущей свои таинственные воды через весь западный Россилен, реки, имя которой Синсиэль.

### 3

Всё чаще на горных уступах появлялись очертания небольших крепостей и дозорных башен. Я опасалась быть обнаруженной. Хотя я понимала, что это – мой народ, к которому я столько лет стремилась вернуться, но я не решалась сделать последний шаг вперёд. Я чувствовала себя отверженной, чужой обеим сторонам. Я знала, что меня не примут обратно так, словно ничего не случилось, я понимала, что я уже не та девочка – невинный цветок, выживший на вздыбленных льдах северного моря. Меня могут принять враждебно, и несмотря на моего свидетеля – заклеить позором. Да ведь и сам свидетель, то – чем он являлся – может быть хорошим пропуском для орч, но свидетельством моего безумия для фейри. Один мой вид говорил о моей странности и ненадёжности. Я перестала быть похожей на кротких девушек фейри, взлелеянных и оберегаемых их семьями, я не была человеком, в доспехах и с оружием орч, высколенная в их логове, с повадками дикого зверька, я была их верным врагом. Кем я стала?

Так стояла я на уступе скалы и смотрела как вниз, в ущелье, движется ещё один обоз переселенцев фейри. Куда они движутся? О да, я не знала этого, но я знала, что ещё несколько дней пути вверх, в горы, и я найду подходящий ледник. Для этого мне, увы, пришлось утеплиться за счёт охотничьей добычи. Меха – вот что нужно высоко в горах, где ветер и ледяной туман, сливающийся с низкими влажными облаками, пронизывают холодом насквозь. Да и зима грозила уже своими ледяными копьями!

К счастью, мне повезло, я набрела на заброшенный форт фейри. Там я нашла немного съестных припасов, одежду, карту местности, две походные сумки, немного стрел и самое главное – подходящие мне сапоги! Наверное это были детские сапожки, но на мою маленькую ногу они как раз подошли.

И вот теперь к моему имуществу добавились: чёрные замшевые сапожки с серебряной вышивкой и серебряными набойками и подковками, кожаные штаны, тёплый плащ с капюшоном, немного чёрной кожи для обмотки запястий, немного льняной ткани – на всякий случай, тарелка из какого-то лёгкого светлого металла, и даже ложка и деревянный гребень, карта местности, эльфийские сухарики, травы для заварки, две походные сумки, новый запас стрел к моему детскому луку – а оружие я так и не сменила – сабля и лук служили мне отлично и я к ним привыкла, как и к чёрным своим доспехам. В одну из сумок я отправила своего свидетеля, в другую – всё остальное, что у меня было. И выглядела я теперь так: в кожаных штанах, в чёрных замшевых сапожках, на бёдрах оставалась старая моя набедренная повязка с длинными кожаными полосами, отделанными коротким серым мехом – спереди и сзади прикрывали меня эти кожаные полосы до колена примерно, а впрочем, были они неодинаковой длины и ширины. Так же на мне была льняная рубашка под морзагскими доспехами из кожи со стальными нашивками. Волосы были заплетены в косички, вплетённые в одну косу – на северный манер. Кроме прочего, у меня были тёплый плащ и маленький лук орч с эльфийскими стрелами, лёгкая сабля орч и заточка. Ещё у меня оставался мой старый амулет – тот самый зуб, которым я пробивалась к учителю в темнице. И конечно за мной шествовал мой шакал, который теперь носил за мной эльфийскую сумку с дурацкой башкой орч.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.